

ВОЕННАЯ СИЛА ГОСУДАРСТВА-ПОСРЕДНИКА И УРЕГУЛИРОВАНИЕ ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ

ВИКТОРИЯ МУСТАФИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

АРТЁМ МАЛЬЦЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия

Резюме

Изучение посредничества при урегулировании вооружённых конфликтов остаётся перспективным направлением исследований международных отношений. Тем не менее до сих пор не установлено, действительно ли доминирование в военной силе государства-посредника может влиять на прекращение боевых действий и имплементацию итоговых мирных соглашений. Мы предположили, что превосходство посредника в военной мощи (или отсутствие такового) можно охарактеризовать в терминах асимметрии и паритета. Для оценки соответствующих характеристик военной силы мы предлагаем воспользоваться обобщённым показателем военной асимметрии, созданным посредством проведения простого сравнительного анализа. В рамках представленной в статье методики различные метрики военной мощи сторон конфликта и посредников попарно сравнивались между собой по критерию пороговых значений (квартилей), констатирующих наличие асимметрии военной мощи или её отсутствие (паритет военной мощи). Затем для агрегирования бинарных оценок в единый показатель также использовались различные пороги достаточной асимметрии от 20 до 50%. В результате проведённого исследования, с помощью оценки серии регрессионных моделей, удалось установить, что совокупное превосходство государства-посредника в военной силе над враждующими сторонами конфликта статистически значимо способствует как непосредственно прекращению боевых действий, так и успешному установлению мира в долгосрочной перспективе. Контрольные переменные в виде особенностей мирного соглашения также оказывают влияние на положительный исход мирного процесса. Ключевые среди них – повышение прозрачности процедур принятия политических решений и вовлечение различных социальных групп во властные процессы на различных уровнях. Результаты настоящего исследования демонстрируют взаимосвязанность военной силы и успешного посредничества, а также указывают на взаимодополняемость военной и переговорной составляющих в контексте медиации, осуществляемой государством. Таким образом, настоящее исследование предлагает трансформировать представление о посредничестве, доминирующее в настоящее время в теории международных отношений.

Ключевые слова:

вооружённый конфликт; негосударственный игрок; государство-посредник; военная сила; асимметрия; паритет; простой сравнительный анализ; регрессионный анализ

Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.07.2023

Дата принятия к публикации: 18.12.2023

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: ammalcev@hse.ru

Окончание «холодной войны» не стало гарантией всеобщего урегулирования локальных вооружённых конфликтов. В 1990-х годах было зафиксировано 286 вооружённых конфликтов, а в 2000-х их число возросло до 311¹. На этом фоне в начале XXI столетия стали появляться публикации, в которых потенциально наиболее эффективным способом урегулирования вооружённых конфликтов стало обозначаться международное посредничество [Bercovitch, Jackson 2001; Bercovitch, DeRouen 2005]. Более того, исследователи стали предполагать, что государства, в отличие от институциональных субъектов (региональных и международных организаций, альянсов), могут более гибко подходить к исполнению этой функции и потому быть более результативными. Гибкий подход к посредничеству может выражаться в первую очередь в установлении посредником интересов и целей сторон конфликта, а также в определении его первопричин [Bercovitch, Jackson 2001]. Вместе с тем предыдущие исследования подчёркивали, что гарантия эффективного посредничества – совокупная мощь государства-посредника, преимущественно опирающаяся на экономический потенциал [Sahadevan 2006].

В начале XXI столетия исследователи обратили внимание на то, что соотношение военной силы сторон конфликта и посредника может влиять на ход посредничества. В частности, В. Фортна предположила, что превосходство или даже доминирование государства-посредника в военной мощи может с большой долей вероятности предотвратить возобновление боевых действий после подписания соглашений [Fortna 2003]. Тем не менее соответствующая статистическая закономерность в международных отношениях пока однозначно не установлена. Насколько подобное превосходство значимо для недопущения воспроизводства конфликта спустя годы после

подписания итоговых мирных соглашений? И каким образом в принципе можно эмпирически оценить общее превосходство государства-посредника в военной силе?

В настоящем исследовании под военной силой (мощью) подразумевается широкий спектр средств ведения боевых действий, которые позволяют обеспечить принуждение и достичь социально-политических целей, поставленных в рамках вооружённого конфликта. Для того чтобы измерить характеристики военной силы, мы предложили комплексный набор различных индикаторов. При проведении исследования использовались следующие метрики военной мощи: оборонный бюджет, характеристики сухопутных войск, флота и военно-воздушных сил с указанием отдельных видов вооружений и техники, а также наличие тяжёлого вооружения, поставок вооружений и др.

При определении предпосылок успешного урегулирования вооружённых конфликтов исследователи опирались на концепцию «ресурсной асимметрии» (resource asymmetry) [Geiss 2006; Paulus, Vashakmadze 2009]. Под этим понятием имеется в виду неравное распределение некоторых благ, которое предоставляет игрокам стратегические преимущества для достижения их политических целей [Gross 2009]. В контексте изучения вооружённых конфликтов часто упоминается информационная асимметрия. Она подразумевает наличие у государства-посредника более широкого набора сведений о мотивах, интересах, намерениях и стратегиях конфликтующих сторон [Kressel, Pruitt, Pruitt 1989]. Благодаря этому посредник может выстраивать более гибкий диалог с непосредственными участниками конфликта и помочь им прийти к взаимовыгодному компромиссу [Walter 2002]².

Мы предположили, что соотношение военной силы сторон вооружённого конфликта и государства-посредника можно

¹ Correlates of war. URL: <https://correlatesofwar.org/> (accessed: 24.04.2022).

² Doyle M.W., Sambanis N. Building peace: challenges and strategies after civil war // World Bank. 27.12.1999. 33 p.

квалифицировать как асимметричное или паритетное. Принимая во внимание концепцию «ресурсной асимметрии», мы предприняли попытку разработать собственную методологию формирования обобщённого показателя военной асимметрии/паритета. Затем была осуществлена проверка наличия и характера взаимосвязи между асимметричным/паритетным соотношением военной мощи всех сторон и урегулированием вооружённого конфликта. Под **урегулированием** понималось *полное прекращение боевых действий после старта переговорного процесса, а также их отсутствие спустя пять лет после подписания итоговых мирных соглашений*.

Ранее уже высказывались предположения о том, что асимметрия военной мощи в пользу государства-посредника может содействовать благополучному течению переговорного процесса [Fortna 2004]. Данная идея проистекает из анализа военных интервенций, при которых вмешательство внешнего игрока усиливает военный потенциал одной из сторон конфликта. В частности, в контексте гражданской войны внешний игрок чаще оказывает военную поддержку правительственным силам, а не повстанцам³. Вследствие этого вероятность победы правительственных сил в вооружённом конфликте существенно повышается [Greig, Rost 2013]. Иными словами, материальное (военно-техническое) превосходство, возникшее вследствие вмешательства в конфликт третьей стороны, может способствовать победе одного из участников конфликта. Более того, утверждалось, что военная состоятельность третьей стороны делает вмешательство менее насильственным и более результативным.

Логика асимметрии была привнесена В. Фортной в изучение посредничества. Она сместила фокус анализа асимметрии в вооружённых конфликтах с оценки соотношения военной силы сторон конфликта к оценке военного потенциала сторон кон-

фликта и государства-посредника. При этом Фортна подчёркивала, что посредничество предполагает не военную победу, а проведение переговоров и нахождение компромисса между сторонами конфликта. Она выдвинула предположение о том, что превосходство государства-посредника в военной силе сможет воздействовать на стороны конфликта таким образом, что они быстрее перейдут от боевых действий к мирным переговорам. Как следствие, вероятность общего мирного урегулирования вооружённого конфликта возрастает. Данное предположение не получило последующей проверки. Как следствие, до сих пор отсутствует подтверждение статистической связи между асимметрией военной мощи в пользу государства-посредника и прекращением боевых действий. Более того, не было установлено, способствует ли доминирование государства-посредника в военной силе предотвращению возобновления боевых действий спустя какое-то время после подписания итоговых мирных соглашений.

Авторы настоящего исследования оценили наличие и характер влияния асимметрии военной мощи в пользу государства-посредника на прекращение боевых действий и их возобновление после подписания итоговых мирных соглашений. Они предложили гипотезу, в соответствии с которой превосходство государства-посредника в военной силе способствует не только прекращению боевых действий, но и их возобновлению впоследствии.

Эффективное посредничество в рамках настоящего исследования рассматривалось как результат взаимодействия двух составляющих – асимметрии военной мощи и положений итоговых мирных соглашений. Подобный подход к концептуализации процесса посредничества активно используется при анализе исторических примеров урегулирования вооружённых конфликтов. Например, вооружённый конфликт между Египтом и Израилем удалось урегулиру-

³ Doyle M.W., Sambanis N. Building peace: challenges and strategies after civil war // World Bank. 27.12.1999. 33 p.

вать благодаря посредническим усилиям Соединённых Штатов [Quandt 2016]. Кэмп-Дэвидские мирные соглашения были подписаны в условиях абсолютного военного преобладания США: в 1978–1979 годах они превосходили стороны конфликта по совокупным вооружённым силам примерно в 4–5 раз [McMahon, Miller 2013]. Вместе с тем и сам переговорный процесс стал немаловажной составляющей общего мирного урегулирования [Wallenstein, Svensson 2014]. Основной целью переговоров было определение неявных противоречий между сторонами конфликта и, таким образом, его первопричин. В тексте итоговых мирных соглашений были предложены компромиссные решения для преодоления политических разногласий между враждующими сторонами. Таким образом, благодаря подписанию Кэмп-Дэвидских соглашений удалось добиться удовлетворения интересов всех сторон конфликта, а США как посредник с мощным военным потенциалом стали гарантом имплементации итоговых мирных соглашений.

Концептуализация посредничества и теоретические подходы к его изучению

В чём заключается сущность процесса посредничества? В. Зартман и Р. Туоваль подчёркивали, что посредник способен помочь сторонам конфликта выработать такие компромиссные решения, прийти к которым самостоятельно участники конфликта не могут [Zartman, Touval 1985]. С. Гартнер утверждал, что лишь государство-посредник способно обеспечить трёхстороннюю коммуникацию, в первую очередь через выстраивание конструктивного диалога с каждой стороной конфликта [Gartner 2014]. Последнее позволяет посреднику установить конкретные мотивы и интересы конфликтующих сторон и выработать решения, которые были бы наиболее приемлемыми для них.

С. Гартнер предпринял попытку обобщить признаки посредничества и дал данному явлению следующее определение: «Посредничество – добровольный и договорный процесс, посредством которого

конфликтующие стороны работают с третьей стороной для достижения взаимоприемлемого мирного соглашения» [Gartner 2011]. Данная дефиниция не позволяет установить, какие именно игроки могут выступать в качестве посредника и, более того, какие из них могут стать наиболее эффективными посредниками. В этой связи наиболее релевантным представляется концептуализация посредничества, которая была осуществлена Я. Берковичем и его соавторами: «Посредничество – это процесс урегулирования конфликтов, при котором спорящие стороны обращаются за помощью или принимают предложение о помощи от отдельного лица, группы, государства или организации для урегулирования конфликта или урегулирования разногласий, не прибегая к физическому насилию и не ссылаясь на авторитет закона» [Bercovitch et al. 1997; Bercovitch, DeRouen 2005; Bercovitch, Langley 1993].

Такое понимание посредничества было положено в основу настоящего исследования. Посредник в нём будет трактоваться как **государство**, которое демонстрирует намерения вступить в переговорный процесс в качестве третьей стороны и положить конец конфликту. В условиях вооружённого конфликта государство-посредник должно инициировать переговорный процесс на уровне представителей высших должностных лиц [Ruhe 2015]. Кроме того, ещё до старта переговорного процесса посреднику следует наладить двустороннюю коммуникацию с каждой конфликтующей стороной, включая негосударственных игроков [Jeppe 2010]. Наконец, посредник должен присутствовать при подписании итоговых мирных соглашений. По перечисленным выше критериям и определялось наличие государства-посредника в вооружённых конфликтах, которые позднее сформировали выборку представленного в настоящей статье исследования [Lundgren, Svensson 2020].

Более широкому видению посредничества способствует ряд теорий, объясняющих природу вооружённых конфликтов и их урегулирования. основополагающей

выступает договорная (торговая) теория войны, которая в англоязычной литературе известна как *bargaining theory of war* [Powell 2002]. В рамках этой теории вооружённый конфликт рассматривается как поиск баланса между выгодами и потерями [Reiter 2003]. Мирные переговоры могут максимизировать выгоды каждой стороны конфликта вне зависимости от её прежнего положения на поле боя. Тем не менее, вопреки потенциальным выгодам от ведения мирных переговоров, участники вооружённого конфликта часто склонны продолжать вести боевые действия. В первую очередь это связано с недостатком информации у сторон конфликта о намерениях друг друга.

Более того, один из ключевых представителей теории договорной войны, Дж. Фирон, утверждал, что сторонам конфликта очень сложно соблюдать достигнутые договорённости и обязательства [Fearon 1995]. Это связано с политической элитой конфликтующих стран, состав которой может претерпевать существенные изменения в период активных боевых действий. Таким образом, благодаря договорной теории войны вооружённый конфликт можно представить как борьбу между антагонистическими игроками, цели которых зачастую противоположны. При этом в подобной антагонистической борьбе можно найти равновесие, воплощением которого станут положения итоговых мирных соглашений.

Договорная теория войны имеет ряд ограничений. В том числе преодоление информационной асимметрии (например, уведомление сторон конфликта об обоюдном намерении перейти к мирным переговорам) не всегда приводит к изменению поведения сторон конфликта. Более того, из теории практически невозможно установить универсальную формулу затрат и выгод, поскольку последние зависят от мотивов и целей каждой стороны конфликта.

Важно отметить, что в договорной теории войны не проводилось разделения между различными типами вооружённых конфликтов. В процессе развития данной теории было важно идентифицировать

в контексте каждого вооружённого конфликта условия для заключения сделки, при которой стороны соглашаются прекратить боевые действия. Иными словами, суть переговорной теории войны заключалась, в первую очередь, в определении целей и мотивов сторон вооружённого конфликта, в выявлении его причин, а также в определении условий переговорного взаимодействия. Всё перечисленное является универсальными характеристиками любого вооружённого конфликта вне зависимости от его типа. Наконец, как во внутригосударственном, так и в межгосударственном вооружённом конфликте необходимо присутствие третьей стороны в лице государства-посредника, которое будет способствовать переходу от интенсивных боевых действий к мирным переговорам. Как следствие, договорная теория войны может стать релевантной теоретической парадигмой для анализа как внутригосударственных, так и межгосударственных вооружённых конфликтов, представленных в настоящем исследовании.

Опыт эмпирического изучения посредничества

В результате концептуализации посредничества стала очевидной комплексность данного феномена. Она заключается в определении государством-посредником целей и интересов участников вооружённого конфликта, а также выработке компромиссного решения противоречий, ставших причиной начала боевых действий. При этом ранее выдвигалось предположение, по которому обладание государством-посредником большим потенциалом может способствовать не только окончанию боевых действий, но и их невозобновлению после подписания (прежде всего итоговых) мирных соглашений [Попова 2009]. Таким образом, и ресурсный (прежде всего военный), и переговорный факторы являются неотъемлемыми составляющими посредничества государства при урегулировании вооружённых конфликтов.

Прекращение активных боевых действий и недопущение их возобновления в прин-

ципе становятся более вероятными при появлении государства-посредника [Сидоров 2018]. В этой связи Мюлленбах подчёркивал, что старт посреднической деятельности наиболее вероятен тогда, когда существует риск расширения зоны ведения боевых действий и вовлечения в конфликт новых участников [Mullenbach 2005]. Иные исследователи предполагали, что членство посредника и участника (участников) вооружённого конфликта в одном международном альянсе также может увеличить вероятность начала посредничества [Jones 2000]. Например, российские специалисты Золотарёв и Трунов при анализе вооружённых конфликтов на постсоветском пространстве подчёркивали, что членство в Содружестве Независимых Государств ускорило процессы посредничества [Золотарёв, Трунов 2018].

Подобная помощь в урегулировании вооружённых конфликтов соответствовала истинной природе посредничества, ведь оно предполагало просьбу помощи со стороны конфликтующих игроков (то есть добровольный характер посредничества), а также согласие всех членов СНГ относительно начала посреднической деятельности [Курылев и др. 2018]. С одной стороны, описанное выше вовлечение можно квалифицировать как пример институционального посредничества. С другой – в данном региональном объединении есть очевидное государство-лидер, которое принимает на себя ключевую роль по реализации посредничества. Между тем иные исследователи также склонны соглашаться, что общее участие в одном международном объединении может способствовать успешному посредничеству [Горюнова 2022].

От того, что именно стало предпосылкой начала посредничества, может зависеть стратегия государства-посредника при урегулировании вооружённых конфликтов. Тем не менее многие авторы сходятся во мнении, что коммуникативный аспект посредничества, выражающийся в проведении мирных переговоров, крайне важен при формировании стратегии посредничества. Если государству-посреднику удастся

установить конструктивный и доверительный диалог с каждым участником конфликта, то общее мирное урегулирование станет более вероятным. В то же время Меннинга констатировала, что государству-посреднику крайне важно постоянно подчёркивать разницу в соотношении сил с соперничающими сторонами [Menninga 2020]. Чем быстрее стороны конфликта осознают превосходство посредника в военной силе, тем более результативным будет переговорный процесс. В чём же именно должно выражаться военное превосходство посредника и как его следует демонстрировать?

Сначала, однако, следует уяснить, насколько существенно в последние десятилетия изменились способы урегулирования вооружённых конфликтов. В этой связи становится актуальным вопрос: насколько вооружённые конфликты 2010-х – 2020-х годов отличны от тех, которые происходили ранее (во второй половине XX века)? В частности, в 2010-х годах стала распространяться идея о росте числа зон нестабильности, выступающих угрозой для всех стран мира [Попова 2009]. О. Попова связывала эти опасения с развитием оборонно-промышленного комплекса ведущих стран мира [2015]. Как следствие, постоянно повышается вероятность апробации государствами усовершенствованного военного потенциала.

Вместе с тем вооружённые конфликты 2010-х – 2020-х годов характеризовались особенно острой борьбой за жизненно важные ресурсы в условиях постоянно повышающихся угроз социально-экономического характера [Степанова 2020]. С этим связана ещё одна проблема: интенсификация циркуляции оружия (в том числе устаревших образцов) увеличивает риски его попадания в руки деструктивных игроков, в частности террористических организаций. Как следствие, они более активно вовлекаются в боевые действия, вследствие чего шансы урегулировать вооружённый конфликт путём мирных переговоров снижаются. Наконец, ещё одной отличительной чертой с середины 2010-х

годов стало обострение региональных вооружённых конфликтов (в Северной Африке и на Ближнем Востоке), которые имели место и в XX веке. Их спецификой стало отсутствие явных медиаторов. Это может быть обусловлено желанием глав конфликтующих государств урегулировать конфликт самостоятельно, без внешнего влияния [Druckman 2001].

Как видно, специалисты (преимущественно в русскоязычной литературе) выявили ряд особенностей вооружённых конфликтов 2010-х – 2020-х годов. Тем не менее авторы настоящего исследования склонны полагать, что описанные выше особенности (в частности, угрозы социально-экономического и террористического характера) были свойственны и конфликтам второй половины XX столетия. Как следствие, есть основания рассматривать вооружённые конфликты в XX и XXI века в едином аналитическом контексте.

Многие конфликтологи были сосредоточены на определении факторов, от которых напрямую зависит успех посреднической деятельности, который может выражаться в прекращении боевых действий и их невозобновлении после подписания итоговых мирных соглашений [Bercovitch, DeRouen 2005; Savun 2008; Walter 2002]. Ранее мы предположили, что ресурсная асимметрия в пользу государства-посредника может напрямую влиять на благополучное урегулирование вооружённых конфликтов. Концепция асимметрии зачастую применяется исследователями для описания несоразмерности потенциалов непосредственных участников вооружённого конфликта. Вместе с тем подобная трактовка асимметрии не подразумевает выведение объяснений продолжения боевых действий вопреки очевидному превосходству одной из сторон конфликта. С начала 2010-х годов приобретает всё большую актуальность понятие структурной асимметрии, которая предполагает «резкие различия в организационных формах противоборствующих сторон» [Степанова 2020]. Они выражаются в статусе сторон конфликта (государственные, негосударствен-

ные игроки), а также в их силовом и мобилизационно-идеологическом потенциале. Как следствие, одни участники конфликта могут обладать жёсткой иерархией и единой стратегией, тогда как другие участники конфликта, напротив, де-факто состоят из (полу)автономных группировок. Последние не характеризуются едиными идеологическими и стратегическими установками и, соответственно, не возглавляются единым лидером.

Однако большинство исследователей применяют термин асимметрии при описании потенциалов противоборствующих сторон. Как следствие, настоящее исследование становится ценным хотя бы потому, что в нём концепция асимметрии применяется при описании соотношения военного потенциала сторон конфликта и государства-посредника.

Помимо ресурсного фактора, на благополучную реализацию посредничества могут влиять и иные факторы. Вовлечение в переговоры всех заинтересованных сторон, определение основ функционирования будущих демократических институтов, выработка компромиссных решений по вопросам, являющимся причиной конфликта, – совокупность факторов, максимизирующая вероятность успешного урегулирования [Mediation in international relations 1994; Resolving international conflicts 1996]. Меннинга настаивала на том, что реальная разница в соотношении сил, обращённая в пользу государства-посредника, может стать основой урегулирования вооружённых конфликтов [Menninga 2020]. Соотношение сил она сводила к военно-экономическим ресурсам. Посредники, обладающие большей военной и экономической мощью, могут быстрее способствовать нормализации отношений между ранее конфликтовавшими странами [Carnevale, Pruitt 2012; Chodosh 2003; Crocker et al. 1999; 2001; 2004].

Друкман и Фишер также подчёркивали, что государство-посредник, превосходящее в военной силе, может установить барьер между воюющими сторонами. Он сведёт к нулю вероятность возобновления боевых

действий [Druckman 2001; Crocker et al. 1989]. Важно подчеркнуть, что посредничество также предполагает организацию и проведение переговоров. Согласно Росту, Шнейдеру и Клейби, основа успешных переговоров – установление интересов и целей каждой конфликтующей стороны [Rost, Greig 2011]. Более того, по мнению Берковича и Хьюстон, при организации переговоров государство-посредник должно учитывать возможное влияние внешних сил [Resolving international conflicts 1996]. Подобные игроки, как правило, непосредственно не вовлечены в конфронтацию, но часто оказывают существенную военнотехническую, разведывательную и иную помощь участникам вооружённого конфликта. Такое содействие может вести к интенсификации боевых действий. Если своевременно не прервать осуществление данных поставок, то урегулирование конфликта мирным путём будет существенно затруднено [Beardsley 2009; Chodosh 2003; Rost, Greig 2011; Greig, Diehl 2005].

Ряд исследователей утверждают, что сам факт прекращения боевых действий (их «заморозка») уже является достаточным для последующего урегулирования вооружённого конфликта. На этом фоне описание итоговых мирных соглашений и их долгосрочная имплементация могут считаться второстепенными задачами [Бартнев 2014]. Тем не менее отсутствие компромисса относительно вопросов, ставших причиной вооружённого конфликта, может привести к возобновлению боевых действий [Жуков 1987]. В подобном случае предшествующие усилия государства-посредника по урегулированию конфликта будут напрасны. Например, А.Г. Большаков подчёркивал, что в отношении некоторых вооружённых конфликтов (например, грузино-абхазского) применялись методы «заморозки», а потому подобные конфликты, как минимум, некоторое время характеризовались как взрывоопасные [2008]. Тем не менее риски возобновления боевых действий в подобных конфликтах возрастают в силу этнической природы противостояний, но ряд исследователей считает

релевантным применить к ним метод консервации [Бекмурзаев 2021]. Последний предполагает обеспечение мира путём постоянного присутствия в зоне боевых действий миротворческого контингента, преимущественно сформированного из представителей государства-посредника.

Авторам настоящего исследования важно понять, что гарантирует невозобновление боевых действий после их прекращения. Согласно утверждениям ряда исследователей, в условиях глобальной нестабильности особенно важно гарантировать долгосрочную имплементацию достигнутых договорённостей, что, в свою очередь, минимизирует вероятность возобновления боевых действий [Кукушкин, Поликанов 1997]. В связи с этим ещё один пласт литературы, рассмотренный в настоящем исследовании, был посвящён сохранению мира в постконфликтный период. Исследователи подчёркивают, что после подписания итоговых мирных соглашений важно осуществить процесс разоружения сторон и не допустить стремительного наращивания ими военной силы в последующем [Sullivan et al. 2020; Reid 2017]. Вдобавок, в случае, если посредник оказывает экономическую помощь бывшим участникам конфликта, вероятность возобновления вооружённых столкновений снижается [Дундич 2010]. В подобных условиях бывшие оппоненты, скорее всего, переориентируются на собственное социально-экономическое восстановление, и продолжение боевых действий станет нецелесообразным.

В настоящее время уже сформировано общее представление о посредничестве в вооружённых конфликтах. Более того, исследователи утверждают, что ресурсное превосходство государства-посредника может способствовать полному примирению конфликтующих сторон [Лисенков и др. 1988]. Тем не менее до сих пор не было представлено целостного обоснования предположения о том, что асимметрия военной силы в пользу посредника содействует прекращению боевых действий, а также сохранению мира спустя годы

после подписания итоговых соглашений. Неотвеченным остаётся и вопрос о том, может ли обсуждение спорных вопросов в рамках переговоров способствовать полному урегулированию вооружённого конфликта при условии уже зафиксированного превосходства посредника в военной силе (или отсутствия такового)?

Источники данных

Предпосылка любого вооружённого конфликта – наличие противоборствующих сторон (сторон конфликта). При формировании выборки в качестве сторон конфликта рассматривались игроки, которые представляли противостоящие друг другу политические силы и на протяжении всего вооружённого конфликта принимали непосредственное участие в боевых действиях в составе воинских частей и подразделений вооружённых сил государств, временных и повстанческих формирований или иных военных объединений [Кукушкин, Поликанов 1997; КгеВ 2010].

Кроме того, на основании изученной литературы нами выработан ряд критериев для определения наличия или отсутствия государства-посредника в вооружённом конфликте [Ruhe 2015; Paulus 2009; Reiter 2003]. *Во-первых*, посредник должен инициировать переговорный процесс как минимум на уровне представителей высших должностных лиц конфликтующих сторон. *Во-вторых*, на переговорах также должны присутствовать представители руководства государства-посредника. *В-третьих*, ещё до старта переговорного процесса посреднику следует наладить двустороннюю коммуникацию с каждой из сторон [Wenpmann 2009]. Посредником можно назвать государство, способное организовать переговоры, в которые бы в равной степени вовлекались все стороны конфликта (и в первую очередь негосударственные игроки). Наконец, посредник должен присутствовать при подписании итоговых мирных соглашений.

Для того чтобы сделать процедуру формирования исследовательской выборки максимально транспарентной, авторы

обратились к данным *Correlates of War*, содержащим сведения о всех вооружённых конфликтах в период 1961–2021 годов. Этот временной интервал обусловлен тем, что необходимость посредничества государств, а также изучения данного феномена на теоретическом уровне была осознана только после Второй мировой войны.

В отношении каждого вооружённого конфликта авторы настоящего исследования провели анализ на предмет наличия в нём государства-посредника. Соответственно, из общего перечня были исключены те случаи, в которых таковые отсутствовали. В соответствии с обозначенными выше критериями определения посредника среди всех вооружённых конфликтов, произошедших в 1961–2021 годах, итоговую исследовательскую выборку составили шестьдесят вооружённых конфликтов. В них вошли как внутригосударственные, так и межгосударственные вооружённые конфликты.

Вслед за представителями переговорной теории войны (на которой базируется настоящее исследование) авторы намеренно отказались от различия специфики посредничества в конфликтах разных типов. *Во-первых*, сопоставление природы межгосударственных и внутригосударственных вооружённых конфликтов возможно только при выявлении всех различий между данными типами конфликтов, что достойно отдельного исследования. Как следствие, только тогда станет уместным говорить о спецификации посредничества при урегулировании внутригосударственных и межгосударственных вооружённых конфликтов. *Во-вторых*, при обсуждении теоретических оснований настоящего исследования было указано, что все типы конфликтов имеют общие закономерности (мотивы, цели, интересы, переговорные позиции), вследствие чего грани между различными типами конфликтов могут стираться. Особенно это предположение становится релевантным с учётом того, что примерно пятая часть вооружённых конфликтов, вошедших в выборку, носит незавершённый характер.

Для того чтобы измерить военный потенциал государства-посредника и сторон конфликта, мы использовали следующий набор индикаторов: население, валовой внутренний продукт, оборонный бюджет, сухопутные войска, флот, военно-воздушные силы, наличие тяжёлого вооружения. Показатель численности населения позволил оценить весь потенциал вооружённых сил государств (с учётом лиц, находящихся в запасе). При этом численность населения и **нормированный** показатель ВВП часто включаются в работы, посвящённые изучению военной мощи. Эти показатели являются ключевыми и в справочнике «Военный баланс» (*The Military Balance*), выступающем главным источником систематизированного описания военной силы государств. В то же время степень экономического развития государства могла указывать на то, сколько финансовых средств руководство страны способно потратить на повышение военного потенциала [Simons 2021]. Экономический потенциал государств может оказаться ещё более значимым в долгосрочной перспективе (при переходе к мирной жизни). В связи с этим в оригинальный массив данных были внесены показатели валового внутреннего продукта и оборонного бюджета.

Каждый конкретный показатель военной мощи (включая численность населения) сам по себе опосредованно связан с успешной реализацией посредничества; то есть зависимость между отдельными индикаторами военной мощи (в первую очередь численностью населения) не является линейной. Вместе с тем измерение и сопоставление военного потенциала игроков в принципе нетривиальная задача. Вследствие этого любой подобный показатель (или входящие в него исходные показатели) будет лишь косвенно отражать реальное соотношение сил всех сторон. Тем не менее прозрачность процедуры формирования обобщённого показателя асимметрии военной мощи (будет пред-

ставлена ниже) позволяет говорить о его достаточной валидности.

Кроме того, в настоящем исследовании между обобщённым показателем военной асимметрии и успехом посредничества будет установлена прямая положительная взаимосвязь (что продемонстрируют представленные ниже регрессионные выкладки). Демографические и экономические показатели могут способствовать росту боеспособности государства, но непосредственными характеристиками военной мощи государства выступают сухопутные войска, флот и военно-воздушные силы. Для того чтобы охарактеризовать военную силу государств (посредников и сторон конфликта) посредством данного набора индикаторов, мы использовали архив справочника-ежегодника *The Military Balance* за 1961–2021 годы⁴.

При попытке описать военный потенциал игроков, вовлечённых в вооружённый конфликт, также стоит обращать внимание на наличие в зоне боевых действий военных баз государства-посредника. Тем не менее при анализе вооружённых конфликтов 1960-х годов не удалось обнаружить достоверных сведений относительно наличия или отсутствия военных баз в ряде государств. Аналогичный пробел наблюдается и относительно сил кризисного реагирования. Более того, следует отметить, что посредничество часто реализуется на уровне высших должностных лиц, вследствие чего возрастает вероятность применения в качестве миротворческого контингента основного состава вооружённых сил государства-посредника.

Наконец, следует отметить, что природа посредничества предполагает учёт роли восприятия при его реализации. Зачастую сторонам конфликта на самом деле очевидно безусловное превосходство государства-посредника в военной силе, вследствие чего они без видимого силового принуждения соглашаются начать переговоры. Иными словами, наступает точка бифурка-

⁴ IISS *The Military Balance*. URL: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance> (accessed: 23.03.2022).

ции (перелома), символизирующая переход к общему мирному урегулированию вооружённых конфликтов в присутствии государства-посредника. Старт общего мирного урегулирования конфликта является жизненно важным в условиях нарастающей эскалации и гибели гражданского населения вследствие ведения интенсивных боевых действий. В подобных условиях даже на первый взгляд абстрактные показатели, наподобие ВВП и оборонного бюджета, могут по меньшей мере создать видимость безоговорочного превосходства государства-посредника, вследствие чего любая попытка сторон конфликта продолжить боевые действия будет заведомо обречена на провал.

В ходе анализа исследовательских работ отмечалось, что экономическая помощь сторонам конфликта может содействовать успешному посредничеству. Вместе с тем она может не выражаться исключительно в виде финансовых поступлений. Экономическое содействие может реализовываться в том числе путём предоставления гуманитарной помощи. Более того, не всегда экономическая помощь со стороны государства-посредника носит эксплицитный характер, так как данный вопрос связан с перенаправлением бюджетных средств государства-посредника. Последние могли быть использованы для решения внутригосударственных социально-экономических вопросов самого государства-посредника. Как следствие, и посреднику, и иным игрокам, оказывающим поддержку сторонам конфликта, иногда имеет смысл осуществлять такую деятельность неофициально, то есть не фиксировать её на документальном уровне. Ограниченность, несистемность и неоднородность доступных данных не позволяет оценить роль экономической помощи в процессе посредничества [Lanz 2011]. Наконец, на практике поддержка игроков в постконфликтный период не сводится исключительно к эко-

номическому содействию, а часто касается вопросов в том числе политической сферы (аспектов трансформации институтов власти, разграничения полномочий и др.). В том числе и этим обусловлено рассмотрение аспектов итоговых мирных соглашений, имплементация которых под контролем государства-посредника может содействовать установлению мира.

Большая часть современных вооружённых конфликтов являются внутригосударственными. Подтверждением этому служит соотношение внутригосударственных и межгосударственных вооружённых конфликтов в исследовательской выборке (представлены в онлайн-приложениях⁵). Особенностью внутригосударственных конфликтов выступает присутствие в качестве участников нерегулярных вооружённых формирований (негосударственных игроков). В данных вооружённых конфликтах присутствовали не только повстанцы (силы, выступающие в качестве оппозиции действующему правительству), но и террористические организации (например, ИГИЛ и Аль-Каида). Иными словами, при оценке военного потенциала анализировались разнородные негосударственные игроки. Благодаря этому становится возможным оценить влияние асимметрии в различных вооружённых конфликтах, характеризующихся участием в том числе повстанческих и террористических объединений [Palmiano 2019].

Для того чтобы учесть военную силу различных негосударственных участников вооружённых конфликтов, мы воспользовались базой данных о негосударственных акторах (Non-state actor database), составленной Д. Каннингэмом и его коллегами в 2013 году [Cunningham et al. 2013]. При описании их военной силы выделить отдельные рода войск и типы вооружений практически невозможно. В этой связи Каннингэм и его коллеги обозначили четыре характеристики, благодаря которым уда-

⁵ С полным перечнем вооружённых конфликтов и их характеристиками можно ознакомиться в онлайн-приложениях к статье: https://drive.google.com/file/d/1RMGKEUUNug5NMI-P2aEzQ_bon3z6a70g/view?usp=sharing

лось отразить общую военную силу негосударственных вооружённых группировок. Они определили среднюю, максимальную и минимальную оценку численности вооружённых сил, а также их соотношение с характеристиками военной мощи государственных игроков (сторон конфликта и посредников):

- *Rebestimate* – средняя оценка численности вооружённых сил повстанцев;
- *Rebestlow* – заниженная оценка численности вооружённых сил повстанцев;
- *Rebesthigh* – завышенная оценка численности вооружённых сил повстанцев;
- *Rebstrength* – соотношение военной силы повстанцев и других участников конфликта.

Поскольку выше представлены показатели общей военной мощи негосударственных игроков, представлялось логичным сопоставить их с общей военной мощью государств. Это сопоставление может носить сугубо минималистический характер, то есть базироваться не на всех перечисленных индикаторах, а на характеристиках сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил. Более того, именно эти параметры были включены в показатель средней оценки численности вооружённых сил повстанцев (*rebestimate*), упомянутый выше. Авторы настоящего исследования вычислили среднее арифметическое показателей сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил государств-посредников и сопоставили их с показателями *rebestimate*. При наличии в конфликте нескольких негосударственных игроков средние показатели их военной мощи суммировались. Благодаря применению пороговых значений (будут представлены ниже) авторам настоящего исследования удалось констатировать наличие или отсутствие асимметрии военной мощи в пользу посредника относительно военной силы негосударственных игроков.

Для того чтобы описать военный потенциал негосударственных игроков в кон-

фликтах после 2013 года, авторы прибегли к процедуре «склеивания» данных. Данная процедура предполагает поиск идентичных кодов в нескольких базах данных, на основании чего и будет проводиться дальнейшее дополнение данных. В настоящем исследовании в качестве кодов выступали название конфликта и год, соответствующий ему.

Военный потенциал сторон вооружённого конфликта также зависит от поставок вооружений и военной техники. В связи с этим мы обратились к базе данных *SIPRI Arms Transfer Database*, которая поддерживается Стокгольмским институтом исследования проблем мира⁶. Использование сведений из этого справочника позволило установить, как характеризовались объём и частота поставок вооружений и военной техники в конфликтах, вошедших в исследовательскую выборку. Кроме того, подобные данные помогли понять, каким образом в результате поставок изменялось соотношение военной силы сторон конфликта и посредника.

В дополнение к оценке потенциалов мы выявили положения, которые наиболее часто обсуждаются и фиксируются в итоговых мирных соглашениях. Множество специалистов пишут о колоссальной значимости коммуникативной составляющей при урегулировании вооружённых конфликтов. При этом переговоры и в первую очередь заключение итоговых мирных соглашений составляют её квинтэссенцию, то есть являются главным *результатом* переговоров [Keels, Greig 2019].

Как упоминалось ранее, посредничество является дипломатическим способом урегулирования вооружённых конфликтов. В этой связи было бы ошибочно рассматривать военное превосходство государства-посредника как единственную и самодостаточную предпосылку посредничества при урегулировании вооружённых конфликтов. Кроме того, необходимо учитывать характеристики итоговых мирных

⁶ Davis I., van der Lijn J. SIPRI (1961–2021): Yearbook: Armaments, Disarmament and International Security. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (accessed: 16.03.2022).

соглашений, закрепляющих дипломатическое урегулирование конфликтов. Такие характеристики могут включать в себя реформу политической системы, при которой противоборствующие стороны инкорпорируются в легальный политический процесс, механизмы сдержек и противовесов. Кроме того, в подобных мирных соглашениях может содержаться информация о процедурах принятия решений между ветвями власти, структуру организации государственных институтов, а также различные вопросы социальной и культурной политики. Для того чтобы привести в анализ характеристики переговорного процесса, мы использовали базу данных Peace Agreement in Internal Conflicts (PAIC)⁷. Она была опубликована группой учёных-конфликтологов из Бирмингемского университета (Великобритания) в 2021 году.

Например, в контексте анализа вопросов реорганизации власти рассматривались положения относительно репрезентации различных социальных групп в законодательной, исполнительной, силовой и судебной сферах. Кроме того, в рамках данного блока анализировались вопросы принятия политических решений в соответствующих ветвях власти. Благодаря тематическому блоку «Правосудие и социальное реформирование» удалось учесть, каким образом будут расследоваться военные преступления в постпереговорный период, а также каким будет наказание за их совершение. Кроме того, в данный блок получилось интегрировать индикаторы, которые апеллировали к созданию институтов примирения и социального сплочения.

Тематический блок «Выстраивание властной вертикали» позволил отследить потенциальное влияние факторов политики реинтеграции, разоружения и демобилизации, а также процессов децентрализации и проведения референдумов о статусе спорных территорий. Наконец, при рассмотрении культурных аспектов оценива-

лось влияние реформирования медиапространства и образовательной сферы, а также организации культурно-массовых мероприятий.

При этом в ходе работы с базой данных PAIC также актуализировался вопрос о том, каким образом интегрировать характеристики мирных соглашений (подписанных в рамках внутрисударственных конфликтов) в авторскую базу данных с индикаторами военной мощи (описанными для внутрисударственных вооружённых конфликтов). Именно авторская база данных рассматривалась в качестве основной, так как она включала гораздо более широкий перечень внутрисударственных и межгосударственных вооружённых конфликтов. Как следствие, работа с этой базой данных в качестве основной обеспечивала большую внешнюю валидность исследования. Поскольку авторская база данных уже содержала информацию о военной мощи участников внутрисударственных и межгосударственных вооружённых конфликтов, при процедуре «склеивания» требовалось дополнить данные о характеристиках мирных соглашений в межгосударственных вооружённых конфликтах. Мы изучили источники данных, которые использовались авторами базы данных PAIC, и также обратились к аналогичным источникам, описывающим характеристики мирных соглашений в межгосударственных вооружённых конфликтах. Данные дополнялись вручную строго в соответствии с переменными, предложенными составителями базы данных PAIC. Основным источником в этой связи стала *Uppsala Conflict Data Program (UCDP)*, а также публикации, в которых описывается процесс урегулирования межгосударственных вооружённых конфликтов. Дополнение данных вручную стало возможным ввиду общего небольшого количества межгосударственных вооружённых конфликтов, вошедших в исследовательскую выборку.

⁷ The dataset of Political Agreements in Internal Conflicts (PAIC). URL: https://www.researchgate.net/publication/343808007_The_dataset_of_Political_Agreements_in_Internal_Conflicts_PAIC (accessed: 25.02.2022).

Может возникнуть вопрос о том, почему межгосударственные вооружённые конфликты в настоящем исследовании в принципе рассматривались в едином контексте с внутригосударственными. Кроме того, насколько рассмотренные выше характеристики мирных соглашений являются релевантными в контексте межгосударственных конфликтов? *Во-первых*, в ходе анализа не было установлено корреляции между типом вооружённого конфликта и зависимыми переменными. При этом если построить отдельные парные регрессии для предиктора «тип конфликта» и обеих зависимых переменных, то окажется, что в двух моделях данный предиктор не является статистически значимым. Вдобавок, если провести отдельный ROC-анализ для разных типов конфликтов со всё теми же зависимыми переменными, то можно увидеть практически идентичные оптимальные модели для разных типов конфликтов. Таким образом, у нас не было чисто статистических оснований для рассмотрения только одного типа вооружённых конфликтов. *Во-вторых*, все рассмотренные межгосударственные и внутригосударственные вооружённые конфликты характеризовались высокой интенсивностью боевых действий. Это давало основания полагать, что вне зависимости от типа конфликтов механизмы посредничества в них одинаковы. *В-третьих*, что самое главное, в межгосударственных вооружённых конфликтах, включённых в исследовательскую выборку, присутствовала борьба за влияние на определённых территориях, которая могла включать не только экономическую, но и социокультурную составляющую (последняя может закрепить установление влияния на территориях, за контроль над которыми ведётся борьба). Это позволяет говорить о схожей природе внутригосударственных и межгосударственных конфликтов или, как минимум, рассматривать их в едином контексте.

Таким образом, мы, следуя ранее обозначенной логике рассмотрения посредничества, собрали в единой базе данных не только военные, но и переговорные характеристики (мирные соглашения). Отличительной чертой скомпилированного массива данных стало присутствие в нём наряду с аспектами итоговых мирных соглашений обобщённого показателя военной асимметрии (паритета), сформированного по авторской методике. Наконец, третьей особенностью собранного массива данных стало фиксирование изменений военных характеристик и положений итоговых мирных соглашений, которые могли изменяться с учётом длительности каждого вооружённого конфликта. Таким образом, в итоговую выборку исследования вошло 270 наблюдений, каждое из которых представляет собой характеристику вооружённого конфликта за определённый период (месяц или год) в зависимости от его общей хронологии и имеет следующий вид «наименование вооружённого конфликта + месяц/год»⁸. Для каждого наблюдения были обозначены 2 зависимые переменные (исходы вооружённого конфликта): 1) прекращение боевых действий и 2) наличие мира спустя пять лет после подписания итоговых мирных соглашений. Под первой зависимой переменной подразумевалось отсутствие каких-либо боевых действий при продолжавшемся процессе посредничества, направленном на общее мирное урегулирование. В рамках второй зависимой переменной первое пятилетие после подписания итоговых мирных соглашений обозначено в качестве отчётного временного периода. Исследователи утверждают, что в этот период наиболее вероятно возобновление вооружённых столкновений и полномасштабных боевых действий [Yang et al. 2022].

Подчёркнём, что в предшествующих публикациях сохранение мира обозначалось как неотъемлемая часть обеспечения

⁸ С полным перечнем вооружённых конфликтов и их характеристиками можно ознакомиться в онлайн-приложениях к статье: https://drive.google.com/file/d/1RMGKEUUNug5NMI-P2aEzQ_bon3z6a70g/view?usp=sharing

общего мирного урегулирования вооружённых конфликтов. Подобный подход обусловлен тем, что в некоторых случаях прекращение боевых действий (их «заморозка») не является необратимым и через некоторое время происходит возобновление конфликта. В этой связи авторам настоящего исследования было важно понять, что гарантирует невозобновление боевых действий после их прекращения. Как следствие, вторая зависимая переменная была привнесена в анализ.

Таким образом, благодаря описанной выше процедуре совмещения баз данных и их дополнения, все игроки (посредники и участники конфликта), внутригосударственные и межгосударственные вооружённые конфликты были охарактеризованы с позиции характеристик военной мощи и мирных соглашений. При этом важно отметить, что при проведении простого сравнительного анализа (см. ниже) использовались панельные данные⁹. Благодаря этому удалось установить наличие асимметрии/паритета военной мощи на различных этапах вооружённых конфликтов. В то же время построение логистической регрессии не предполагает работы с панельными данными, а скорее подразумевает анализ характеристик в определённый (в настоящем исследовании – в терминальный) период вооружённых конфликтов. В этой связи при построении логистических регрессий использовались характеристики военной мощи и мирных соглашений, соответствовавшие терминальной стадии вооружённых конфликтов.

Методология исследования

Попытки комплексно оценить военную силу государств предпринимались с 1950-х годов. Например, профессор Принстонского университета и советник правительства США К. Кнорр практически отождествил национальную и военную мощь. Кнорр предложил измерять их при помощи

основных военно-экономических показателей государства (таких, как ВВП и оборонный бюджет) [Кногг 1970; 2019]. Идею К. Кнорра уже в 1960-х годах развил профессор Кембриджского университета Г. Клиффорд. Он выдвинул предположение о том, что военная мощь государства является суммой следующих составляющих: территории, населения, ядерного потенциала как составляющей военной мощи, а также индустриального базиса [Hogowitz 2011]. В 1963 г. Дж. Д. Сингер и его коллеги разработали индекс национального потенциала [Singer et al. 1972]. Данный показатель учитывал не только те ресурсы, которыми государство обладает в настоящий момент, но также и тот потенциал, которым страна предположительно будет располагать через 5–10 лет.

Позднее исследователи всё чаще стали утверждать, что только комплексная оценка вооружений государства может действительно продемонстрировать его боеспособность. Так, индекс *Global Firepower* (GFP) объединяет более 50 различных показателей, характеризующих боеспособность государства¹⁰. Помимо показателей сухопутных войск, флота и военно-воздушных сил, составители индекса учитывали объём экономических средств, направляемых на поддержание военного потенциала государства.

Тем не менее универсальные методики измерения военной мощи, основанные на сопоставлении и агрегировании её отдельных показателей, в исследованиях международных отношений пока отсутствуют. Имеющиеся индексы либо агрегируют макроэкономические потенциалы военной мощи в единые показатели, лишь косвенно связанные с реальной боеспособностью вооружённых сил, либо представляют собой структурированные сборники описания материально-технической базы (преимущественно в виде численности различных видов вооружений и военной

⁹ Авторская база данных. URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/15t8GgP65E-Gxi28062R0dPvD7ubE8loq/edit#gid=1452593445>

¹⁰ Global Firepower 2022. URL: <https://www.globalfirepower.com/> (accessed: 17.05.2022).

Таблица 1
Этапы проведения простого сравнительного анализа

<p>Подготовительный этап: подсчёт соотношений между сторонами по различным метрикам военной мощи</p>	<p>Этап 1. Унификация данных: перевод разных числовых диапазонов в единый квартильный вид</p>
<p>Этап 2. Отдельные метрики военной силы. Асимметрия: при каком значении квартиля можно фиксировать наличие асимметрии на уровне отдельной метрики военной мощи? Асимметрия (обозначалась как 1) последовательно констатировалась при квартиле 0.25, 0.5 и 0.75 соответственно.</p>	<p>Этап 3. Совокупная военная асимметрия: какой процент асимметричных значений достаточен для констатации общего военного превосходства медиатора в военной силе? Были выбраны пороговые значения в 20, 30 и 50 %.</p>
<p>Этап 4. Сочетание пороговых значений: Модель 1: квартиль 0.25 – процентное значение 20% Модель 2: квартиль 0.25 – процентное значение 30% Модель 3: квартиль 0.25 – процентное значение 50% Модель 4: квартиль 0.5 – процентное значение 20% Модель 5: квартиль 0.5 – процентное значение 30% Модель 6: квартиль 0.5 – процентное значение 50% Модель 7: квартиль 0.75 – процентное значение 20% Модель 8: квартиль 0.75 – процентное значение 20% Модель 9: квартиль 0.75 – процентное значение 50%</p>	<p>Этап 5. Получение обобщённого показателя военной асимметрии: асимметричные значения, подсчитанные в 9 моделях, суммировались отдельно для каждого наблюдения.</p>

Источник: составлено авторами.

техники). Предлагаемая в представленной статье методика оценки военной мощи стремится дать качественную характеристику асимметрии, в то же время опираясь на конкретные количественные индикаторы структуры вооружённых сил. Она базируется на попарном сравнении индикаторов военной мощи сторон конфликта и государства-посредника. В табл. 1 в системном виде представлен алгоритм создания обобщённого показателя асимметрии военной мощи.

Для оценки уровня асимметрии военной мощи в вооружённых конфликтах в качестве первого этапа мы воспользовались методом простого сравнительного анализа. Этот метод предназначен для сопоставления и агрегирования отдельных метрик комплексного параметра в единую качественную оценку бинарного вида: в нашем случае – наличие или отсутствие асимметрии. Для этого по каждому количественному индикатору военной мощи посредника и сторон конфликта было выполнено попарное сравнение соответствующих значений.

В качестве основного критерия сравнительного анализа использовался такой

инструмент математической статистики, как квартиль. С его помощью весь упорядоченный числовой диапазон делился на четыре примерно одинаковые четверти (квартили). Как следствие, первый квартиль объединял 25% значений упорядоченного диапазона, а второй квартиль (медиана) – 50% значений. Такой подход позволял стандартизировать процедуру сравнения для индикаторов с различными шкалами и единицами измерения (численность военнослужащих, оборонный бюджет и др.). Для каждой метрики устанавливалась собственная формула перевода в квартили 0, 0.25, 0.5, 0.75 или 1. В итоге все количественные оценки индикаторов военной мощи, представленные в массиве, приняли унифицированные значения квартилей. В табл. 2 продемонстрировано, как соотносились значения индикаторов военной мощи квартильного преобразования.

При проведении простого сравнительного анализа было необходимо определить набор пороговых значений, благодаря которым удалось бы выявить наличие или отсутствие асимметрии на уровне отдельных метрик военной мощи. Тем самым предполагалось преобразовать все данные,

Таблица 2

Выражение в квартилях соотношения сил сторон конфликта и посредника в различных метриках военной мощи (приведены соотношения для каждого двадцатого наблюдения в исследовательской выборке)

	Население	ВВП	Оборонный бюджет	Армия	Флот	Военно-воздушные силы
1	0	0,25	0,25	0,5	1	0,75
20	0,5	0,5	0,5	0,5	0,25	0,75
40	0,75	0	0	0,5	1	0,5
60	1	0,25	0,75	0	1	0,5
80	0,5	0,75	0,25	0,5	0,75	0,5
100	0,25	0,5	1	0,25	0,25	0,5
120	0,25	0,25	0,25	0	0,25	0,25
140	0,25	1	0,75	1	0,5	0,25
160	1	0,25	0,5	0,75	0,25	0,75
180	0	1	0,25	0,25	0,25	0,75
200	0	1	0,75	0,5	0,75	0,75
220	0	1	0,75	0,5	0,75	0,75
240	0,25	0,5	0,5	0,75	0,75	0,75
260	1	0,75	0,75	0,25	0,75	0,75
270	0,5	0,25	1	0,5	1	0,75

Источник: составлено авторами.

имевшиеся в массиве, в бинарный вид, приведя к значениям 0 (отсутствие асимметрии) или 1 (наличие асимметрии). В зависимости от выбранного порога значения асимметрии могут существенно варьироваться. При приведении квартилей к бинарному виду можно было бы воспользоваться стандартными правилами математического округления (квартили 0.5 и 0.75 округлять до 1). Тем не менее разумно предположить, что значительная асимметрия совокупной военной мощи может быть обусловлена превосходством по какому-то отдельному её аспекту (например, потенциалу военно-воздушных сил как инструмента проекции мощи). Таким образом, для последующих проверок результатов статистического моделирования на устойчивость

мы предложили три различных пороговых критерия асимметрии. В первой модели асимметрия по отдельным метрикам военной мощи констатировалась на уровне 0.25, во второй – на уровне 0.5, в третьей – на уровне 0.75.

Для агрегирования отдельных оценок асимметрии в единый показатель вновь были использованы пороговые значения. Аналогичный подход используется Национальным демократическим институтом по международным вопросам¹¹. В разработанном его представителями индексе политический режим идентифицируется как демократический в случае наличия 20, 30 или 50% отдельных признаков демократии. В настоящей статье мы применили идентичные пороги. В первой модели совокуп-

¹¹ National Democratic Institute for International Affairs, 2010. URL: <https://spisok-inoagentov.ru/natsionalnyy-demokraticheskiy-institut-mezhdunarodnyh-otnosheniy-ssha-national-democratic-institute-for-international-affairs/> 10 марта 2016 года деятельность Национального демократического института международных отношений была признана нежелательной на территории Российской Федерации (<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>).

Таблица 3
Соотношение квартильных и процентных пороговых значений в моделях 1–9

Номер модели	Комбинация пороговых значений
Модель 1	0.25 – 20%
Модель 2	0.25 – 35%
Модель 3	0.25 – 50%
Модель 4	0.5 – 20%
Модель 5	0.5 – 35%
Модель 6	0.5 – 50%
Модель 7	0.75 – 20%
Модель 8	0.75 – 35%
Модель 9	0.75 – 50%

Источник: составлено авторами.

ная асимметрия военной мощи констатировалась, если в 20% от общего числа индикаторов военной мощи, собранных в едином массиве, фиксировалась асимметрия (значение 1). Во второй и третьей моделях использовались пороги на уровне 30 и 50% соответственно. Таким образом, в зависимости от применения более или менее мягких порогов асимметрии на уровне квартилей отдельных показателей и общего агрегирования оценок получилось девять моделей («три по три»), представленных в табл. 3.

На втором этапе исследования мы оценивали, насколько превосходство государства-посредника в военной силе статистически значимо для урегулирования вооружённых конфликтов. Ещё с 1970-х годов общие механизмы воспроизводства и урегулирования вооружённых конфликтов изучаются в виде закономерностей на больших выборках («large-N studies»). На рубеже XX–XXI веков для анализа вооружённых конфликтов стали активно использоваться статистические методы, в первую очередь в виде различных моделей регрессионного анализа [Lee, Greig 2019]¹².

Множественная регрессия представляет собой один из наиболее распространённых

методов многомерного анализа статистических данных в международных отношениях. Данный метод позволяет выявить и оценить силу, а также направление статистических зависимостей между различными характеристиками объектов (например, стран или конфликтов и других явлений). В контексте настоящего исследования регрессионный анализ позволил установить характер статистической связи между успехом в завершении конфликта и имплементации мирного соглашения как зависимыми переменными и параметрами асимметрии военной мощи между государством-посредником и враждующими сторонами как независимыми предикторами.

В частности, была применена модель логистической регрессии (logit-model), предназначенная для моделирования бинарной зависимой переменной. Обращение к ней обусловлено тем, что характеристики урегулирования вооружённого конфликта (прекращение огня и сохранение мира в течение 5 лет) в ходе моделирования принимали значения 0 или 1 (провал или успех). В качестве независимых переменных выступили характеристики асимметрии военной мощи, рассчитанные по 9 различным моделям попарного сравнительного анализа. В качестве контрольных переменных использовались характеристики итоговых мирных соглашений. Особенность контрольных переменных заключается в том, что на протяжении всего исследования они остаются неизменными и тем самым позволяют лучше понять характер связи между зависимой и независимой переменными.

Результаты исследования

Простой сравнительный анализ

На первом этапе исследования с помощью простого попарного сравнительного анализа мы устанавливали наличие или отсутствие асимметрии военной мощи в рамках каждого вооружённого конфлик-

¹² Garrigues J. The case for contact: overcoming the challenges and dilemmas of official and non-official mediation with armed groups. Oslo: Norwegian Peacebuilding Resource Centre, 2015. 10 p.

Таблица 4
Процент зафиксированных асимметричных значений в зависимости от установленного порогового значения (квартилей)

Порядковый номер наблюдения (пример)	Квартиль 0.25 (процент асимметричных значений среди всех наблюдений)	Квартиль 0.5 (процент асимметричных значений среди всех наблюдений)	Квартиль 0.75 (процент асимметричных значений среди всех наблюдений)
1	77.78	44.44	29.63
20	51.85	29.63	18.44
40	66.67	37.33	25.93
60	14.81	11.11	6.44
80	62.96	31.33	22.22
100	55.56	51.85	44.44
120	48.15	25.33	15.33
140	59.26	33.33	19.33

Источник: составлено авторами.

та. Для решения этой задачи, как было описано в предыдущем разделе, разность значений по каждому из индикаторов между государством-посредником и враждующими сторонами была приведена к квартильному виду. Затем последовательно констатировалось наличие асимметрии по отдельным метрикам военной мощи на уровне квартилей, равных 0.25, 0.5 и 0.75 соответственно. В зависимости от строгости порога квартиля для разных конфликтов асимметрия военной мощи констатируется по большему или меньшему числу индикаторов (табл. 4). Это, в свою очередь, прямо влияет на вероятность про-

хождения порога совокупной асимметрии. Менее строгий порог по квартилю позволяет идентифицировать общую асимметрию военной мощи в большей доле наблюдений.

Комбинируя различные пороги сравнения как по индивидуальным индикаторам, так и по общим показателям, мы получили девять моделей оценки соотношения военной мощи между сторонами вооружённого конфликта и государством-посредником. Таблица 5 демонстрирует, что установленное значение асимметрии и паритета может существенно зависеть от выбранных порогов.

Таблица 5
Соотношение квартильных и процентных пороговых значений в моделях 1–9

	М. 1 0,25 20%	М. 2 0,5 20%	М. 3 0,75 20%	М. 4 0,25 35%	М. 5 0,5 35%
Паритет	2,96	7,41	29,19	7,14	19,05
Асимметрия	97,04	92,59	70,81	92,86	80,95
	М. 6 0,75 35%	М. 7 0,25 50%	М. 8 0,5 50%	М. 9 0,75 50%	
Паритет	44,44	14,68	40,87	99,63	
Асимметрия	55,56	85,32	59,13	0,37	

Источник: составлено авторами.

Таблица 6
Разброс оценок асимметрии или паритета военной мощи в зависимости от различных пороговых значений
 (модели 1–9)

Номер наблюдения	Комбинация квартильных и процентных пороговых значений в моделях 1–9								
	М. 1 0,25 20%	М. 2 0,5 20%	М. 3 0,75 20%	М. 4 0,25 35%	М. 5 0,5 35%	М. 6 0,75 35%	М. 7 0,25 50%	М. 8 0,5 50%	М. 9 0,75 50%
1	1	1	1	1	1	0	1	0	0
20	1	1	0	0	0	0	1	0	0
40	1	1	1	1	0	0	0	0	0
60	0	0	0	0	0	0	0	0	0
80	1	1	1	1	1	1	1	1	0
100	1	1	1	1	1	1	1	1	1
120	1	1	0	1	1	1	1	1	0
140	1	1	1	1	0	0	1	0	0
...									

Источник: составлено авторами.

В итоге различные комбинации более или менее строгих квартильных и процентных порогов позволяют установить асимметрию или паритет военной мощи в большем или меньшем проценте наблюдений.

Из табл. 6 следует, что при низких пороговых значениях асимметрия фиксируется практически во всех вооружённых конфликтах. Напротив, при максимальных значениях обоих порогов в подавляющем большинстве наблюдений устанавливается паритетное соотношение военной мощи. При этом можно предположить, что если асимметрия военной мощи для отдельного

конфликта была идентифицирована сразу в нескольких моделях с промежуточными порогом, то это свидетельствует, что государство-посредник действительно обладает превосходством над противоборствующими сторонами.

Как можно заметить, в табл. 7 при использовании большинства пороговых комбинаций порогов, кроме максимальных или минимальных, для многих конфликтов можно с уверенностью судить об устойчивой асимметрии или паритете военной мощи.

Мы также рассмотрели, как распределяются завершённые и незавершённые кон-

Таблица 7
Количество вооружённых конфликтов с общим военным превосходством государства-посредника, зафиксированных в рамках одной и нескольких моделей

	М. 1 0,25 20%	М. 2 0,5 20%	М. 3 0,75 20%	М. 4 0,25 35%	М. 5 0,5 35%
Количество вооружённых конфликтов, в которых зафиксирована асимметрия в пользу государства-посредника	3	39	35	52	47
	М. 6 0,75 35%	М. 7 0,25 50%	М. 8 0,5 50%	М. 9 0,75 50%	
Количество вооружённых конфликтов, в которых зафиксирован паритет в пользу государства-посредника	44	17	21	10	

Источник: составлено авторами.

Таблица 8
Средняя сумма показателей общей военной асимметрии и паритета в моделях 1–9
среди завершённых и незавершённых вооружённых конфликтов

	Среднее количество асимметричных значений	Среднее количество паритетных значений
Завершённые вооружённые конфликты	7,67	1,33
Незавершённые вооружённые конфликты	0,83	6,78

Источник: составлено авторами.

фликты с точки зрения установленных в них оценок совокупной асимметрии военной мощи. В рамках моделей 1–9 в завершённых конфликтах чаще всего (примерно в 8 моделях из 9) фиксировалась общая асимметрия (табл. 8). Напротив, в незавершённых конфликтах военное превосходство посредника не удавалось констатировать даже при использовании относительно мягких пороговых значений.

Регрессионный анализ

В ходе регрессионного анализа проверялся ряд предположений, представленных ниже.

Гипотеза 1. Асимметрия военной мощи в пользу государства-посредника будет способствовать прекращению боевых действий.

Гипотеза 2. Асимметрия военной мощи окажет положительное влияние на сохранение мира спустя 5 лет после подписания итоговых мирных соглашений. Напротив, паритет военной мощи будет препятствовать как прекращению боевых действий, так и поддержанию мира.

Гипотеза 3. Мирные соглашения также являются значимым элементом общего мирного урегулирования в условиях асим-

метрии военной мощи. В этой связи мирному урегулированию будет способствовать учёт в соглашениях вопросов реорганизации процессов принятия политических решений, а также репрезентации в органах власти.

Основными зависимыми переменными для регрессионного анализа стали 1) прекращение боевых действий и 2) сохранение мира спустя 5 лет после подписания итоговых мирных соглашений. В то же время рассчитанные на предыдущем этапе исследования обобщённые показатели военной асимметрии (паритета), рассчитанные для каждого наблюдения в выборке, выступили в качестве ключевой независимой переменной. Статистическая значимость данного предиктора могла бы свидетельствовать о том, насколько военное превосходство государства-посредника в принципе влияет на урегулирование конфликта.

На первом этапе регрессионного анализа требовалось определить, как превосходство посредника в военной мощи влияет на **прекращение боевых действий в вооружённых конфликтах**. В первую очередь мы оценивали статистическую значимость обобщённого показателя военной асимметрии (паритета). Она оказалась статистически значи-

Таблица 9
Модель парной регрессии. Проверка статистической значимости обобщённого показателя военной асимметрии относительно обеих зависимых переменных

	Зависимая переменная 1. Прекращение боевых действий	Зависимая переменная 2. Наличие мира спустя пять лет после подписания итоговых мирных соглашений
Обобщённый показатель военной асимметрии	2.89658*** (0.49765)	3.23357*** (1.08760)

Коды значимости: 0 '****' 0.001 '***' 0.01 '**' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Источник: составлено авторами.

мой как для прекращения боевых действий, так и для сохранения мира спустя пять лет после подписания итоговых мирных соглашений (табл. 9). Напротив, переменная, свидетельствующая о паритете военной мощи всех сторон, продемонстрировала обратное (связь между ней и зависимыми переменными была отрицательной).

Ранее подчёркивалось, что переговорный процесс также неотъемлемая составляющая посредничества. Предположительно переговоры могут оказать равнозначное влияние и на прекращение боевых действий, и на сохранение мира в постпереговорный период. При этом сам переговорный процесс представляет собой множество явных и латентных фаз, которые можно рассматривать в контексте нескольких отдельных исследований. В то же время именно подписание и имплементация мирных соглашений служит квинтэссенцией переговорного процесса. Наличие компромисса относительно мирных соглашений и их последовательная реализация могут гарантировать невозобновление боевых действий, как минимум, в краткосрочной перспективе.

Каковы ключевые положения итоговых мирных соглашений, которые могут гарантировать в первую очередь прекращение боевых действий? Практически все основные характеристики итоговых мирных соглашений, упоминающиеся различными исследователями, собраны в базе данных РАИС. Выше были обозначены тематические блоки (аспекты итоговых мирных соглашений), входящие в состав этого массива. Мы предположили, что различные положения итоговых мирных соглашений могут по-разному воздействовать на прекращение боевых действий и сохранение мира спустя пять лет после подписания итоговых мирных соглашений. В частности, мы допустили, что положения, посвящённые культурным сюжетам, являются наименее значимыми, как минимум, для прекращения боевых действий. Напротив, разрешение вопросов репрезентации граждан в органах власти, а также принятия политических решений предположительно

может оказать наибольшее влияние на процесс общего мирного урегулирования.

В ходе построения регрессионных моделей мы оценивали одновременное влияние всех положений итоговых мирных соглашений в первую очередь на прекращение боевых действий (первая зависимая переменная). Напомним, что переменные, характеризующие мирные соглашения, в рамках регрессионных моделей рассматривались в качестве контрольных. При проведении регрессионного анализа удалось приоритизировать разные аспекты итоговых мирных соглашений относительно их воздействия на зависимую переменную 1 (табл. 10). Выяснилось, что реформы в сфере образования, учреждение общей символики и общих праздников не оказывают никакого влияния на прекращение боевых действий. В то же время благодаря регрессионному анализу удалось установить, что преобразование средств массовой информации (также входящее в тематический блок «Культурные аспекты») способствует повышению объяснительной силы регрессионной модели. Положительный эффект от данной переменной становился ещё более очевидным тогда, когда наряду с ней в модели присутствовал фактор асимметрии военной мощи. Иными словами, реорганизация медиапространства может способствовать прекращению боевых действий (особенно в условиях асимметрии военной мощи).

Каким образом иные положения итоговых мирных соглашений влияют на прекращение боевых действий? В частности, в какой степени включение в мирные соглашения вопросов правосудия может приблизить окончание боевых действий? В базе данных РАИС в рамках тематического блока, посвящённого правосудию, рассматривались следующие переменные: расследование военных преступлений, проверка причастности должностных лиц к ним, а также социально-правовые преобразования, направленные на профилактику совершения преступлений. Исследователи утверждают, что преобразование правового поля конфликтующих игроков

Таблица 10
Регрессионная модель. Результат тестирования аспектов итоговых мирных соглашений и обобщённого показателя военной асимметрии относительно двух зависимых переменных

	Зависимая переменная 1. Прекращение боевых действий	Зависимая переменная 2. Наличие мира спустя 5 лет после подписания итоговых мирных соглашений
Обобщённый показатель военной асимметрии	2.89658*** (0.49765)	3.23357*** (1.08760)
Решения в исполнительной сфере	0.68017** (0.52687)	1.10115** (0.60373)
Решения в законодательной сфере	0.16578* (0.56338)	0.16249** (0.60825)
Решения в судебной сфере	0.24567* (0.53467)	0.22282* (0.65890)
Решения в силовой сфере	0.18756 (0.51383)	1.42249* (0.23222)
Репрезентация в исполнительной сфере	1.81264** (0.80205)	0.96661* (0.60571)
Репрезентация в законодательной сфере	1.08367* (0.25768)	1.32846** (0.60457)
Репрезентация в судебной сфере	0.33853* (0.57687)	0.24482* (0.66677)
Репрезентация в силовой сфере	0.80143** (0.12609)	0.42794* (1.12747)
Гендерные аспекты	-1.76006 (0.87236)	-0.71672 (0.81962)
Законы о насильственных актах по отношению к гражданам	0.71634* (0.58548)	1.15867* (0.64054)
Расследование военных преступлений	1.58985* (0.54765)	1.21622 (0.65980)
Институты социального сплочения	0.27389 (0.53271)	0.08684 (1.87070)
Политика разоружения и демобилизации	1.53547** (0.50654)	0.73443 (0.83273)
Политика реинтеграции	0.69678 (0.51347)	0.71478 (1.55888)
Органы по примирению конфликтовавших групп	0.43758 (0.52224)	0.04856 (0.98764)
Реформы в сфере образования	-0.73979 (0.54796)	-0.23549 (0.98243)
Реформы медиапространства	1.31200* (0.51797)	1.56790** (0.60878)
Культурно-массовые мероприятия	0.32989 (0.51500)	0.51769 (0.47892)
Выстраивание вертикали власти	1.48651* (0.54780)	1.26785* (0.46780)
Децентрализация и делегирование полномочий	1.54772** (0.53678)	0.76341 (1.99964)
Референдум о статусе спорных территорий	1.58645** (0.50908)	-0.64789 (1.67589)

Коды значимости: 0 '****' 0.001 '***' 0.01 '**' 0.05 '*' 0.1 '.' 1

Источник: составлено авторами.

должно осуществляться поступательно и без вмешательства третьей стороны [Kastner 2015]. В то же время проведённый регрессионный анализ продемонстрировал, что инициирование расследований военных преступлений может способствовать как прекращению боевых действий, так и недопущению их возобновления. При этом расследование военных преступлений может осуществляться успешно только в условиях асимметрии военной мощи. Это доказывает и регрессионная модель: переменная «расследование военных преступлений» статистически значима только в условиях асимметрии военной мощи.

Благодаря базе данных PAIC нам удалось интегрировать в регрессионную модель следующие процессы: централизация власти, широта полномочий у органов местной власти, а также присутствие в государстве автономных территорий. Выяснилось, что все перечисленные выше обстоятельства могут способствовать и прекращению боевых действий, и сохранению мира спустя годы после подписания итоговых мирных соглашений. В условиях паритета военной мощи попытка реализации данных положений итоговых мирных соглашений, напротив, может воспрепятствовать общему мирному урегулированию вооружённых конфликтов. Таким образом, положения итоговых мирных соглашений, касающиеся вопросов децентрализации власти и организации территориального самоуправления, не могут быть успешно реализованы при отсутствии государства-посредника с мощным военным потенциалом.

Может ли конституирование новых основ функционирования различных ветвей власти повлиять на динамику вооружённого конфликта? Будет ли более широкая репрезентация граждан в законодательной, исполнительной, судебной и силовой сферах способствовать скорому прекращению боевых действий? В массиве данных PAIC не обозначены конкретные политические должности в рамках каждой ветви власти, которые могут занять представители различных групп населения

после окончания вооружённого конфликта. В то же время он позволяет оценить, какое внимание в рамках итоговых мирных соглашений уделялось вопросам гражданского представительства в различных ветвях власти. Включение переменных репрезентации в законодательной, исполнительной, судебной и силовой сферах в регрессионную модель позволило установить, что для прекращения боевых действий первостепенной является законодательная сфера и представительство в ней. В то же время перечисленные выше факторы также могут повлиять на прекращение боевых действий только при имеющейся асимметрии военной мощи в пользу государства-посредника. В противном случае попытка прийти к компромиссу приведёт лишь к эскалации вооружённого конфликта. Об этом свидетельствует отрицательная связь между данными переменными и зависимой, которая наблюдается при невключении в модель обобщённого показателя военной асимметрии.

База данных PAIC среди прочего позволила включить в модель и оценить эффект от таких контрольных переменных, как принятие политических решений в законодательной, исполнительной, судебной и силовой ветвях власти. В данном случае (согласно авторам базы данных PAIC) речь идёт о самом факте наличия изменений процедур принятия политических решений в этих сферах публичной власти. В результате проведения регрессионного анализа удалось установить, что все четыре перечисленные выше переменные в наибольшей степени (в сравнении с рассмотренными ранее группами предикторов) оказывают влияние на объяснительную силу модели. Таким образом, положения итоговых мирных соглашений, посвящённые процедурам принятия политических решений и их трансформации вследствие достигнутых договорённостей, являются наиболее значимыми, как минимум, для прекращения боевых действий. В то же время продолжает проследиваться отмеченная ранее тенденция: компромисс по данным положениям итоговых мирных

соглашений может быть достигнут только при доминировании государства-посредника в военной силе.

Прекращение боевых действий на момент подписания итоговых мирных соглашений — одна из двух составляющих полного урегулирования вооружённых конфликтов. Не менее важной задачей для государства-посредника является обеспечение мира спустя пятилетие после их подписания. В связи с этим было необходимо определить, в какой степени военная сила государства-посредника является значимой не только для прекращения боевых действий, но и для недопущения их возобновления. Для ответа на данный вопрос в начале работы мы построили парную регрессию и для сохранения мира спустя годы после подписания итоговых мирных соглашений (см. табл. 9). При тестировании обобщённого показателя военной асимметрии выяснилось, что его статистическая значимость относительно второй зависимой переменной не менее велика, чем относительно первой. Это наблюдение позволяет с большей уверенностью утверждать, что даже в постконфликтный период посредник должен продолжать реализовывать собственный посреднический потенциал (в более опосредованном виде).

Построение регрессионной модели во второй зависимой переменной было идентично работе с первой зависимой переменной. Использовались аналогичные предикторы (тематические блоки), процедура их тестирования также не претерпела изменений. В результате проведения регрессионного анализа выяснилось, что преобразование медиального пространства с целью повышения его транспарентности и инклюзивности не менее важно и для сохранения мира. Вместе с тем и в данном случае для успешного преобразования медиасреды требуется мониторинг со стороны посредника с мощным военным потенциалом. При отсутствии в регрессионной модели обобщённого показателя военной асимметрии связь между переменной «преобразование медиапростран-

ства» и второй зависимой переменной («сохранение мира спустя пять лет после подписания итоговых мирных соглашений») становится отрицательной. Иными словами, даже спустя годы после подписания итоговых мирных соглашений посреднику следует продолжать осуществлять мониторинг медийного пространства конфликтовавших сторон и не допускать трансляции идей вражды и насилия через средства массовой информации.

В то же время иные культурные аспекты — реформы в сфере образования, учреждение символики для идентификации меньшинств, а также общих праздников и памятных дат — становятся более значимыми для поддержания мира, чем в период прекращения насилия. Причём реорганизация культурных аспектов, упомянутых в мирных соглашениях (тематические блоки были описаны ранее), может быть особенно существенной в условиях паритета сторон конфликта и посредника в военной силе. Это можно объяснить тем, что создание коммуникационного и социокультурного пространства, основанного на единстве и равноправии, будет способствовать мирному сосуществованию.

Стоит напомнить, что предиктор «расследование военных преступлений» оказался статистически значимым для успешного прекращения боевых действий. В то же время при его тестировании относительно второй зависимой переменной выяснилось, что он, напротив, может воспрепятствовать сохранению мира в постпереговорный период. Как следствие, повышается вероятность возобновления активных боевых действий.

Как было отмечено ранее, реорганизация властной вертикали может содействовать прекращению боевых действий (особенно в условиях асимметрии военной мощи). При тестировании переменных, характеризовавших такие аспекты итоговых мирных соглашений, как «Процедуры принятия решений» и «Репрезентация в органах власти», выяснилось, что они могут способствовать не только прекращению боевых действий, но и их невозобнов-

лению. Репрезентация различных групп населения в органах законодательной и исполнительной власти уже может стать гарантом сохранения мира. Вместе с тем и в долгосрочной перспективе (спустя годы после подписания итоговых мирных соглашений) асимметрия военной мощи в пользу государства-посредника влияет на поддержку мира. В противном случае попытка урегулировать вопросы репрезентации и принятия решений во властных структурах может привести к большей конфронтации. Это стало очевидным из проведённого регрессионного анализа: статистическая значимость перечисленных переменных снижалась при отсутствии в модели обобщённого показателя военной асимметрии.

Обсуждение результатов исследования

Результаты исследования продемонстрировали, что асимметрия военной мощи значима как для прекращения боевых действий, так и для сохранения мира спустя годы после подписания итоговых мирных соглашений. В то же время даже при наличии превосходства посредника в военной силе не стоит недооценивать роль содержания итоговых мирных соглашений в урегулировании вооружённого конфликта. Регрессионный анализ и построение в его рамках ROC-моделей позволили установить, что оптимальные модели для первой и второй зависимых переменных являются практически идентичными. Как для прекращения боевых действий, так и для сохранения мира немаловажной является выработка компромисса по положениям итоговых мирных соглашений, касающихся вопросов обретения, распределения и удержания власти. В то же время данный вопрос может быть разрешён только в присутствии государства-посредника с военным потенциалом, превосходящим силы конфликтующих сторон. Если между участниками конфликта и посредником наблюдается паритет военной мощи, то консенсус по организации публичной власти, скорее всего, достигнут не будет. Как следствие, едва ли стоит полагать, что вооружённый

конфликт будет урегулирован. Осуществление децентрализации и проведение референдума о статусе спорных территорий также может содействовать успешному урегулированию конфликта, но только при условии параллельной реорганизации всех ветвей власти.

Статистическая значимость переменных, касавшихся вопросов репрезентации и принятия решений, была несколько ниже в сравнении с предикторами, которые характеризовали преобразования в иных ветвях власти. Регрессионный анализ продемонстрировал, что в условиях паритета военной мощи предикторы, относящиеся к функционированию силовых структур, не могут способствовать как прекращению боевых действий, так и сохранению мира.

При этом реализация положений итоговых мирных соглашений, касающихся раследования военных преступлений, проведения референдума о статусе спорных территорий (при наличии таковых) и осуществления процессов децентрализации, может дополнить и завершить процесс общего мирного урегулирования. Подобные преобразования будут способствовать формированию более демократического правового поля в государствах, некогда являвшихся участниками вооружённых конфликтов. Более того, запуск процессов децентрализации станет импульсом к развитию местного самоуправления. Это, в свою очередь, может гарантировать вовлечение в процесс принятия решений всех социальных групп, чьи интересы отныне могут быть услышаны и учтены. В то же время, исходя из результатов регрессионного анализа, все упомянутые выше положения итоговых мирных соглашений могут положительно влиять на прекращение боевых действий и недопущение их возобновления только в условиях асимметрии военной мощи между сторонами и посредником. Таким образом, решение вопросов обретения и распределения власти в совокупности с превосходством государства-посредника в военной силе — основа успешного посредничества и мирного урегулирования в целом.

* * *

Посредничество как способ урегулирования современных вооружённых конфликтов уникален тем, что в его рамках превосходство государства-посредника в военной силе сочетается с устранением глубинных противоречий между сторонами конфликта посредством проведения мирных переговоров. Более того, медиация не сводится исключительно к применению военной силы, а скорее заключается в создании благоприятных условий для начала конструктивного диалога между сторонами конфликта. В то же время сами стороны, осознавая существенное превосходство государства-посредника в военной силе, не решатся на возобновление боевых действий. Таким образом, при посредничестве, осуществляемом игроком с мощным военным потенциалом, вероятность эскалации вооружённого конфликта существенно снижается.

Проведённое исследование имеет некоторые ограничения. В нём рассматривались внутригосударственные и межгосударственные вооружённые конфликты, произошедшие в период 1961–2021 годов. Соответственно, могут сохраняться сомнения относительно возможности экстраполяции результатов на другие исторические эпохи. Вместе с тем необходимость институционального посредничества была осознана лишь после Второй мировой войны. Посредничество, осуществляемое государством, возникло ещё позже и до сих пор остаётся самым недооценённым способом урегулирования современных вооружённых конфликтов. Более того, до 1960 года не было систематизированных данных о характеристиках военной силы всех государств мира. При этом первые относительно конвенциональные примеры посредничества, осуществляемого государством, можно обнаружить только в разгар «холодной войны», то есть в 1960-х годах [Wallenstein, Svensson 2014]. В то же время в период 1961–2021 годов было зафиксировано немалое количество вооружённых конфликтов, в которых присутствовало государство-посредник. Наконец, среди дан-

ных вооружённых конфликтов были и межгосударственные, и внутригосударственные, и негосударственные.

Таким образом, несмотря на хронологические ограничения, удалось проанализировать большой спектр вооружённых конфликтов и тем самым получить достаточно валидные и репрезентативные результаты. Иным ограничением исследования стала идентификация соотношения военной мощи (асимметрии и паритета) только между государством-посредником и каждой стороной конфликта. Иными словами, мы не определяли, как между собой соотносятся военные силы между непосредственными участниками конфликта. Вместе с тем данный факт не является упущением, так как анализ посредничества в первую очередь предполагает оценку того, в какой степени посредник превосходит все стороны конфликта вне зависимости от отдельных характеристик их военной мощи. Предполагалось, что чем более существенно данное превосходство, тем проще будет урегулировать вооружённый конфликт. Это и продемонстрировано в настоящем исследовании: общее доминирование посредника в военной силе (вне зависимости от соотношения сил участников) уже создаёт благоприятные условия для успешного урегулирования вооружённого конфликта.

Одной из отличительных черт настоящего исследования стало рассмотрение характеристик военной мощи и мирных соглашений как взаимодополняемых и равнозначных предпосылок успешного посредничества. Тем самым была предпринята попытка трансформировать представления о посредничестве, которое часто сводилось к переговорам и подписанию итоговых мирных соглашений. Кроме того, благодаря применению простого сравнительного анализа удалось разработать обобщённый показатель военной асимметрии. Он продемонстрировал, как соотносится военная сила сторон конфликта и государства-посредника. Наконец, в результате формирования данного показателя удалось нивелировать методологическую лагуну. Она заключалась в отсутствии

в литературе понимания того, как от попарного сравнения метрик военной мощи сторон конфликта и посредника перейти к её общей качественной оценке.

Таким образом, в ходе исследования удалось показать, что асимметрия военной силы в пользу посредника одинаково важна как для прекращения боевых действий, так и для сохранения мира спустя годы после окончания переговорного процесса. Однако для общего мирного урегулирования вооружённого конфликта первостепенную значимость имеет имплементация аспектов итоговых мирных соглашений, касающихся представительства в органах власти и процессов принятия политических решений. Репрезентация групп в различных ветвях власти, повышение транспарентности процедур принимаемых решений, проведение референдумов и осуществление децентрализации могут спо-

собствовать обретению мира и его сохранению. В то же время регрессионный анализ продемонстрировал, что найти компромиссные решения по перечисленным аспектам и претворить их в жизнь возможно только в условиях асимметрии военной мощи.

Авторы настоящего исследования постарались внести вклад в изучение явления посредничества с участием государства-медиатора и, вероятно, уже доказали релевантность данного способа урегулирования современных вооружённых конфликтов. В этой связи становится ещё более очевидной необходимость дальнейшего изучения явления посредничества. Появление новых академических знаний в этой области может обогатить реальные политические стратегии по обретению мира на территориях, на которых в настоящее время ведутся активные боевые действия.

Список литературы

- Бартенев В.И.* Внутриполитические детерминанты использования инструментов внешней помощи: модель для сборки // Полис. Политические исследования. 2014. №5. С. 153–166. DOI: 10.17976/jpps/2014.05.11
- Бекмурзаев Б.А.* Миротворческая деятельность России в урегулировании вооружённых конфликтов в СНГ // Московский журнал международного права. 2021. №4. С. 16–27. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1994-4-16-27>
- Большаков А.Г.* Этнические вооружённые конфликты в посткоммунистических странах: основные тенденции развития и возможности урегулирования (региональный аспект) // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. №7. С. 109–123.
- Гарюнова А.О.* Повышении эффективности деятельности отечественного ОПК в период 2010–2020 // Власть. 2022. Т. 30. №4. С. 137–141. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i4.9139>
- Дундич А.С.* Таджикистан: мир без процветания // Международные процессы. 2010. Т. 8. №3. С. 143–154.
- Жуков Г. П., Викулов С.Ф.* Военно-экономический анализ и исследование операций. М.: Воениздат, 1987. 440 с.
- Золотарёв В.А., Трунов Ф.О.* Особенности урегулирования вооружённых конфликтов в современном мире // Актуальные проблемы Европы. 2018. №4. С. 17–38.
- Кукушкин П.В., Поликанов Д.В.* Кризис в районе Великих Озер: Руанда, Бурунди, Заир. М.: Институт Африки РАН, 1997. 212 с.
- Курьинёв К.П., Дегтерёв Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В.* Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13. №1. С. 134–156. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-08
- Лисенков К.А., Полякова Т.В., Сидоров А.С.* Оценка соотношения сил участников регионального конфликта (на примере ситуации в Чаде) // Региональные и локальные конфликты: Генезис, урегулирование, прогнозирование / Под ред. А. В. Торкунова. М.: МГИМО МИД СССР, 1988. С. 42–58.
- Попова А.С.* Применение медиативных технологий при урегулировании военных конфликтов // Вестник Самарского юридического института. 2015. №1(15). С. 133–139.
- Попова О.В.* «Измерительный инструмент» в сравнительной политологии: к вопросу о нерешённых проблемах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2009. Т. 5. №1. С. 271–291.

- Сидоров А.С.* Франция в Сахеле: текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // Актуальные проблемы Европы. 2018. №4. С. 116–137.
- Степанова Е.А.* Асимметричный конфликт как силовая, статусная, идеологическая и структурная асимметрия // Военная мысль. 2010. №5. С. 47–54.
- Степанова Е.А.* Вооружённые конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. №6. С. 24–39. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39
- Трунов Ф.Д.* Особенности участия Германии в урегулировании вооружённых конфликтов в Мали и Сомали // Актуальные проблемы Европы. 2018. №4. С. 160–183.
- Aduda L., Bussmann M.* Mediation and the Dynamics of Civilian Victimization in Intrastate Conflicts in Africa // Civil wars. 2020. Vol. 22. No. 1. P. 64–86. <https://doi.org/10.1080/13698249.2020.1703078>
- Beardsley K.* Intervention without leverage: Explaining the prevalence of weak mediators // International Interactions. 2009. Vol. 35. No. 3. P. 272–297. <https://doi.org/10.1080/03050620903084547>
- Bercovitch J., DeRouen K.* Managing ethnic civil wars: Assessing the determinants of successful mediation // Civil Wars. 2005. Vol. 7. No. 1. P. 98–116. <https://doi.org/10.1080/13698280500074453>
- Bercovitch J., Diehl P. F., Goertz G.* The management and termination of protracted interstate conflicts: Conceptual and empirical considerations // Millennium. 1997. Vol. 26. No. 3. P. 751–769. <https://doi.org/10.1177/03058298970260030201>
- Bercovitch J., Jackson R.* Negotiation or mediation? An exploration of factors affecting the choice of conflict management in international conflict // Negotiation Journal. 2001. Vol. 17. No. 1. P. 59–77. <https://doi.org/10.1111/j.1571-9979.2001.tb00227.x>
- Bercovitch J., Langley J.* The nature of the dispute and the effectiveness of international mediation // Journal of Conflict Resolution. 1993. Vol. 37. No. 4. P. 670–691. <https://doi.org/10.1177/0022002793037004005>
- Carnevale P.J., Pruitt D.G.* Negotiation and mediation // Annual review of psychology. 1992. Vol. 43. No. 1. P. 531–582.
- Chodosh H.E.* Local Mediation in Advance of Armed Conflict // Ohio St. J. on Disp. Resol. 2003. Vol. 19. No. 1. P. 213–226.
- Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P.* A crowded stage: Liabilities and benefits of multiparty mediation // International Studies Perspectives. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 51–67. <https://doi.org/10.1111/1528-3577.00037>
- Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P.R.* Herding cats: Multiparty mediation in a complex world. Washington, DC: US Institute of Peace Press, 1999. 768 p.
- Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P.R.* Taming intractable conflicts: Mediation in the hardest cases. Washington, DC: US Institute of Peace Press, 2004. 240 p.
- Cunningham D.E., Gleditsch K.S., Salehyan I.* Non-state actors in civil wars: A new dataset // Conflict management and peace science. 2013. Vol. 30. No. 5. P. 516–531.
- Druckman D.* Turning points in international negotiation: A comparative analysis // Journal of Conflict Resolution. 2001. Vol. 45. No. 4. P. 519–544. <https://doi.org/10.1177/0022002701045004006>
- Fearon J.D.* Rationalist explanations for war // International organization. 1995. Vol. 49. No. 3. P. 379–414. <https://doi.org/10.1017/S0020818300033324>
- Fearon J.D.* Fighting rather than Bargaining // Annual Meetings of the American Political Science Association. 2007. Vol. 4. P. 1–46.
- Fortna V.P.* Scraps of paper? Agreements and the durability of peace // International Organization. 2003. Vol. 57. No. 2. P. 337–372. doi:10.1017/S0020818303572046
- Fortna V.P.* Does peacekeeping keep peace? International intervention and the duration of peace after civil war // International studies quarterly. 2004. Vol. 48. No. 2. P. 269–292. <https://doi.org/10.1111/j.0020-8833.2004.00301.x>
- Fortna V.P.* Peace time: Cease-fire agreements and the durability of peace. Princeton: Princeton University Press, 2018. 264 p.
- Gartner S.S.* Signs of trouble: Regional organization mediation and civil war agreement durability // The Journal of Politics. 2011. Vol. 73. No. 2. P. 380–390. <https://doi.org/10.1017/S0022381611000090>
- Gartner S.S.* Third-party mediation of interstate conflicts: actors, strategies, selection, and bias // Arbitration law review. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 269–294.
- Geiss R.* Asymmetric conflict structures // International Review of the Red Cross. 2006. Vol. 88. No. 864. P. 757–777. <https://doi.org/10.1080/13698249.2013.817854>
- Greig J.M., Diehl O.F.* The peacekeeping–peacemaking dilemma // International Studies Quarterly. 2005. Vol. 49. No. 4. P. 621–645. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2005.00381.x>
- Greig J.M., Rost N.* Mediation and Peacekeeping in Civil Wars // Civil Wars. 2013. Vol. 15. No. 2. P. 192–218. <https://doi.org/10.1080/13698249.2013.817854>

- Gross M.L.* Asymmetric war, symmetrical intentions: Killing civilians in modern conflict // *Global Crime*. 2009. Vol. 10. No. 4. P. 320–336. <https://doi.org/10.1080/17440570903248262>
- Horowitz M.C.* *The Diffusion of Military Power: Causes and Consequences for International Politics*. Princeton: Princeton University Press, 2011. 264 p.
- Jenne E.K.* Mediating Conflict from the Inside Out // *International Studies Review*. 2010. Vol. 12. No. 4. P. 590–596. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2010.00963.x>
- Jones D.L.* Mediation, conflict resolution and critical theory // *Review of International Studies*. 2000. Vol. 26. No. 4. P. 647–662. doi:10.1017/S0260210500006471
- Kastner P.* *Legal normativity in the resolution of internal armed conflict*. Cambridge University Press, 2015.
- Keels E., Greig J.M.* Reputation and the occurrence and success of mediation in civil wars // *Journal of Peace Research*. 2019. Vol. 56. No. 3. P. 410–424. <https://doi.org/10.1177/0022343318811430>
- Knorr K.* The determinants of military power // *Power, Economics, And Security* / ed. by K. Knorr. New York; London: Routledge, 2019. P. 69–133. <https://doi.org/10.4324/9780429302831>
- Knorr K.* *The International Purposes of Military Power* // *Theories of Peace and Security* / ed. by J. Garnett. London: Palgrave Macmillan, 1970. P. 50–63.
- Kreß C.* Some reflections on the international legal framework governing transnational armed conflicts // *Journal of Conflict & Security Law*. 2010. Vol. 15. No. 2. P. 245–274. <https://doi.org/10.1093/jcs/lrq009>
- Kressel K., Pruitt D.C., Pruitt D.G.* *Mediation research: The process and effectiveness of third-party intervention*. Hoboken, NJ: Jossey-Bass, 1989. 457 p.
- Lanz D.* Who gets a seat at the table? A framework for understanding the dynamics of inclusion and exclusion in peace negotiations // *International Negotiation*. 2011. Vol. 16. No. 2. P. 275–295. <https://doi.org/10.1163/138234011X573048>
- Lee S.M., Greig J.M.* The conditional effectiveness of directive mediation // *International Interactions*. 2019. Vol. 45. No. 5. P. 838–864. <https://doi.org/10.1080/03050629.2019.1614923>
- Lundgren M., Svensson I.* The surprising decline of international mediation in armed conflicts // *Research & Politics*. 2020. Vol. 7. No. 2. <https://doi.org/10.1177/2053168020917243>
- McKibben H.E., Skoll A.* Please help us (or don't): External interventions and negotiated settlements in civil conflicts // *Journal of Conflict Resolution*. 2021. Vol. 65. No. 2–3. P. 480–505. <https://doi.org/10.1177/0022002720950417>
- McMahon S.F., Miller C.* Simulating the Camp David negotiations: A problem-solving tool in critical pedagogy // *Simulation & Gaming*. 2012. Vol. 44. No. 1. P. 134–150. <https://doi.org/10.1177/1046878112456252>
- Mediation in international relations: Multiple approaches to conflict management / ed. by J. Bercovitch, J. Rubin. London: Palgrave Macmillan, 1994. 283 p. <https://doi.org/10.1057/9780230375864>
- Menninga E.J.* Complementary mediation: Exploring mediator composition in civil wars // *International Interactions*. 2020. Vol. 46. No. 6. P. 893–921. <https://doi.org/10.1080/03050629.2020.1814759>
- Mullenbach M.J.* Deciding to keep peace: An analysis of international influences on the establishment of third-party peacekeeping missions // *International Studies Quarterly*. 2005. Vol. 49. No. 3. P. 529–555. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2005.00376.x>
- Palmiano F.J.* We do negotiate with terrorists: Navigating liberal and illiberal norms in peace mediation // *Critical Studies on Terrorism*. 2019. Vol. 12. No. 1. P. 19–39. <https://doi.org/10.1080/17539153.2018.1472727>
- Paulus A., Vashakmadze M.* Asymmetrical war and the notion of armed conflict – a tentative conceptualization // *International Review of the Red Cross*. 2009. Vol. 91. No. 873. P. 95–125.
- Powell R.* Bargaining theory and international conflict // *Annual Review of Political Science*. 2002. Vol. 5. No. 1. P. 1–30. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.5.092601.141138>
- Quandt W.B.* *Camp David: peacemaking and politics*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2016. 538 p.
- Reid L.* Finding a peace that lasts: Mediator leverage and the durable resolution of civil wars // *Journal of Conflict Resolution*. 2017. Vol. 61. No. 7. P. 1401–1431. <https://doi.org/10.1177/0022002715611231>
- Reiter D.* Exploring the bargaining model of war // *Perspectives on Politics*. 2003. Vol. 1. No. 1. P. 27–43. doi:10.1017/S1537592703000033
- Resolving international conflicts: The theory and practice of mediation / ed. by J. Bercovitch. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, 1996. P. 63–85.
- Rost N., Greig J.M.* Taking matters into their own hands: An analysis of the determinants of state-conducted peacekeeping in civil wars // *Journal of Peace Research*. 2011. Vol. 48. No. 2. P. 171–184. <https://doi.org/10.1177/0022343310396110>
- Ruhe C.* Anticipating mediated talks: Predicting the timing of mediation with disaggregated conflict dynamics // *Journal of Peace Research*. 2015. Vol. 52. No. 2. P. 243–257. <https://doi.org/10.1177/0022343314558101>

- Sahadevan P.* Negotiating peace in ethnic wars // *International Studies*. 2006. Vol. 43. No. 3. P. 239–266. <https://doi.org/10.1177/002088170604300301>
- Savun B.* Information, bias, and mediation success // *International studies quarterly*. 2008. Vol. 52. No. 1. P. 25–47. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2007.00490.x>
- Savun B.* Mediator types and the effectiveness of information provision strategies in the resolution of international conflict // *International Conflict Mediation* / ed. by J. Bercovitch, S. S. Gartner. London: Routledge, 2008. P. 114–132. <https://doi.org/10.4324/9780203885130>
- Sullivan P.L., Blanken L.J., Rice I.C.* Arming the peace: Foreign security assistance and human rights conditions in post-conflict countries // *Defence and Peace Economics*. 2020. Vol. 31. No. 2. P. 177–200. <https://doi.org/10.1080/10242694.2018.1558388>
- Simons G.* Russia as a powerful broker in Syria: hard and soft aspects // *KnE Social Sciences*. 2021. Vol. 5. No. 2. P. 418–432. <https://doi.org/10.18502/kss.v5i2.8385>
- Singer J.D., Bremer S., Stuckey J.* Capability Distribution, Uncertainty, and Major Power War, 1820–1965 // *Peace, War, and Numbers* / ed. by B. Russett. Beverly Hills: Sage, 1972. P. 19–48.
- Svensson I.* Bargaining, bias and peace brokers: How rebels commit to peace // *Journal of Peace Research*. 2007. Vol. 44. No. 2. P. 177–194. <https://doi.org/10.1177/0022343307075121>
- Svensson I.* Who brings which peace? Neutral versus biased mediation and institutional peace arrangements in civil wars // *Journal of conflict resolution*. 2009. Vol. 53. No. 3. P. 446–469. <https://doi.org/10.1177/0022002709332207>
- Wallensteen P., Svensson I.* Talking peace: International mediation in armed conflicts // *Journal of peace research*. 2014. T. 51. №. 2. C. 315–327.
- Walter B.F.* Committing to peace: The successful settlement of civil wars. Princeton: Princeton University Press, 2002. 150 p.
- Wennmann A.* Getting Armed Groups to the Table: peace processes, the political economy of conflict and the mediated state // *Third World Quarterly*. 2009. Vol. 30. No. 6. P. 1123–1138. <https://doi.org/10.1080/01436590903037416>
- Yang Q.C. et al.* The shocks of armed conflicts to renewable energy finance: Empirical evidence from cross-country data // *Energy Economics*. 2022. Vol. 112. P. 106–109.
- Zartman I.W., Touval S.* International mediation: Conflict resolution and power politics // *Journal of social issues*. 1985. Vol. 41. No. 2. P. 27–45.
- Zartman I.W.* Prenegotiation: phases and functions // *International Journal*. 1989. Vol. 44. No. 2. P. 237–253. <https://doi.org/10.1177/002070208904400202>
- Zartman I.W.* The timing of peace initiatives: Hurting stalemates and ripe moments 1 // *Global Review of Ethnopolitics*. 2001. Vol. 1. No. 1. P. 8–18. DOI: 10.1080/14718800108405087

THE INFLUENCE OF MEDIATOR MILITARY POWER ON ARMED CONFLICTS RESOLUTION

VICTORIA MUSTAFINA

HSE University, Moscow, 101000, Russia

ARTEM MALTSEV

HSE University, Moscow, 101000, Russia

Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, 125009, Russia

Abstract

The study of mediation in resolving armed conflicts remains a promising area of research in international relations. However, contemporary IR research provides a limited understanding of the role of the mediator's military power in the cessation of hostilities and the implementation of peace agreements. We have

---

This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

suggested that asymmetry and parity can characterize an intermediary's superiority in military power (or lack thereof). To assess the relevant characteristics of military power, we propose to use a generalized indicator of military asymmetry created through a simple comparative analysis. Within the framework of the methodology presented in the article, various metrics of the military power of the parties to the conflict and the mediators were compared in pairs with each other according to the criterion of threshold values (quartiles), indicating the presence of asymmetry of military power or its absence (parity of military power). Various thresholds of sufficient skewness, ranging from 20% to 50%, were then also used to aggregate the binary scores into a single score. As a result of the study, using the assessment of a series of regression models, it was possible to establish that the aggregate superiority of the mediating state in military force over the warring parties to the conflict statistically significantly contributes to both the immediate cessation of hostilities and the successful establishment of peace in the long term. Control variables in the form of peace agreement features also influence the peace process's positive outcome. Key among them are increasing the transparency of political decision-making procedures and the involvement of various social groups in power processes at various levels. The results of this study demonstrate the interconnectedness of military force and successful mediation and also indicate the complementarity of military and negotiation components in the context of state-led mediation. Thus, this study proposes to transform the idea of mediation that currently dominates international relations theory.

Keywords:

armed conflict; non-state player; mediator state; military strength; asymmetry; parity; simple comparative analysis; regression analysis

References

- Aduda, L., Bussmann M. (2020). Mediation and the Dynamics of Civilian Victimisation in Intrastate Conflicts in Africa. *Civil wars*. Vol. 22. No. 1. P. 64–86. <https://doi.org/10.1080/13698249.2020.1703078>
- Arreguin-Toft I. (2005). *How the weak win wars: A theory of asymmetric conflict*. Cambridge: Cambridge University Press. 257 p. <https://doi.org/10.1017/CB09780511521645>
- Bartenev V.I. (2014). Vnutripoliticheskie determinanty ispol'zovaniya instrumentov vneshneĭ pomoshchi: model' dlya sborki [Domestic Political Determinants of Foreign Aid Instruments: A Model Kit.]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 153–166. DOI: 10.17976/jpps/2014.05.11
- Beardsley K. (2009). Intervention without leverage: Explaining the prevalence of weak mediators. *International Interactions*. Vol. 35. No. 3. P. 272–297. <https://doi.org/10.1080/03050620903084547>
- Bekmurzaev B.A. (2021). Mirotvorcheskaya deyatel'nost' Rossii v uregulirovanii vooruzhennykh konfliktov v SNG [Russia's peacekeeping activities in resolving armed conflicts in the CIS]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. No. 4. P. 16–27. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1994-4-16-27>
- Bercovitch J. (ed.). (1996). *Resolving international conflicts: The theory and practice of mediation*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers. P. 63–85.
- Bercovitch J., DeRouen K. (2005). Managing ethnic civil wars: Assessing the determinants of successful mediation. *Civil Wars*. 7 Vol. 7. No. 1. P. 98–116. <https://doi.org/10.1080/13698280500074453>
- Bercovitch J., Diehl P. F., Goertz G. (1997). The management and termination of protracted interstate conflicts: Conceptual and empirical considerations. *Millennium*. Vol. 26. No. 3. P. 751–769. <https://doi.org/10.1177/03058298970260030201>
- Bercovitch J., Jackson R. (2001). Negotiation or mediation? An exploration of factors affecting the choice of conflict management in international conflict. *Negotiation Journal*. Vol. 17. No. 1. P. 59–77. <https://doi.org/10.1111/j.1571-9979.2001.tb00227.x>
- Bercovitch J., Langley J. (1993). The nature of the dispute and the effectiveness of international mediation. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 37. No. 4. P. 670–691. <https://doi.org/10.1177/0022002793037004005>
- Bercovitch J., Rubin J. (eds). (1994). *Mediation in international relations: Multiple approaches to conflict management*. London: Palgrave Macmillan. 283 p. <https://doi.org/10.1057/9780230375864>
- Bol'shakov A.G. (2008). Etnicheskie vooruzhennyye konflikty v postkommunisticheskikh stranakh: osnovnyye tendentsii razvitiya i vozmozhnosti uregulirovaniya (regional'nyy aspekt) [Ethnic Confrontations in the Post-communist Countries: the Basic Tendencies of Progress and Possibility of Regulation (Regional Aspect)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki*. Vol. 150. No. 7. P. 109–123.
- Carnevale P.J., Pruitt D.G. (1992). Negotiation and mediation. *Annual review of psychology*. Vol. 43. No. 1. P. 531–582.

- Chodosh H.E. (2003). Local Mediation in Advance of Armed Conflict. *Ohio St. J. on Disp. Resol.* No 1. P. 213–226
- Clifford J.G. (2011). The Diffusion of Military Power: Causes and Consequences for International Politics. *Political Science Quarterly.* Vol. 126. No. 4. P. 713–715.
- Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P. R. (1999). *Herding cats: Multiparty mediation in a complex world.* Washington, DC: US Institute of Peace Press. 768 p.
- Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P. (2001). A crowded stage: Liabilities and benefits of multiparty mediation. *International Studies Perspectives.* Vol. 2. No. 1. P. 51–67. <https://doi.org/10.1111/1528-3577.00037>
- Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P.R. (2004). *Taming intractable conflicts: Mediation in the hardest cases.* Washington, DC: US Institute of Peace Press. 240 p.
- Cunningham D.E., Gleditsch K.S., & Salehyan I. (2013). Non-state actors in civil wars: A new dataset. *Conflict management and peace science,* 30(5), 516–531.
- Druckman D. (2001). Turning points in international negotiation: A comparative analysis. *Journal of Conflict Resolution.* Vol. 45. No. 4. P. 519–544. <https://doi.org/10.1177/0022002701045004006>
- Dundich A.S. (2010). Tadjikistan: mir bez protsvetaniya [Таджикистан: мир без процветания]. *Mezhdunarodnye protsessy.* Vol. 8. No. 3. P. 143–154.
- Fearon J.D. (1995). Rationalist explanations for war. *International organization.* Vol. 49. No. 3. P. 379–414. <https://doi.org/10.1017/S0020818300033324>
- Fearon J.D. (2007). Fighting rather than Bargaining. *Annual Meetings of the American Political Science Association.* Vol. 4. P. 1–46.
- Fortna V.P. (2003). Scraps of paper? Agreements and the durability of peace. *International Organization.* Vol. 57. No. 2. P. 337–372. doi:10.1017/S0020818303572046
- Fortna V.P. (2004). Does peacekeeping keep peace? International intervention and the duration of peace after the civil war. *International studies quarterly.* Vol. 48. No. 2. P. 269–292. <https://doi.org/10.1111/j.0020-8833.2004.00301.x>
- Fortna V.P. (2004). *Peace time: Cease-fire agreements and the durability of peace.* Princeton: Princeton University Press. 264 p.
- Gartner S.S. (2011). Signs of trouble: Regional organization mediation and civil war agreement durability. *The Journal of Politics.* Vol. 73. No. 2. P. 380–390. <https://doi.org/10.1017/S0022381611000090>
- Gartner S.S. (2014). Third-party mediation of interstate conflicts: actors, strategies, selection, and bias. *Arbitration Law Review.* Vol. 6. No. 1. P. 269–294.
- Geiss R. (2006). Asymmetric conflict structures. *International Review of the Red Cross.* Vol. 88. No. 864. P. 757–777. <https://doi.org/10.1080/13698249.2013.817854>
- Greig J.M., Diehl P.F. (2005). The peacekeeping–peacemaking dilemma. *International Studies Quarterly.* Vol. 49. No. 4. P. 621–645. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2005.00381.x>
- Greig J.M., Rost N. (2013). Mediation and Peacekeeping in Civil Wars. *Civil Wars.* Vol. 15. No. 2. P. 192–218. <https://doi.org/10.1080/13698249.2013.817854>
- Goryunova A.A. (2022). O povyshenii effektivnosti deyatel'nosti otechestvennogo OPK v period 2010–2020 [To the question of russian defense industry efficiency rise in 2010–2020]. *Vlast'.* Vol. 30. No. 4. P. 137–141. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i4.9139>
- Gross M.L. (2009). Asymmetric war, symmetrical intentions: Killing civilians in modern armed conflict. *Global Crime.* Vol. 10. No. 4. P. 320–336. <https://doi.org/10.1080/17440570903248262>
- Horowitz M.C. (2011). *The Diffusion of Military Power: Causes and Consequences for International Politics.* Princeton: Princeton University Press. 264 p.
- Jenne E.K. (2010). Mediating Conflict from the Inside Out. *International Studies Review.* Vol. 12. No. 4. P. 590–596. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2010.00963.x>
- Jones D.L. (2000). Mediation, conflict resolution and critical theory. *Review of International Studies.* Vol. 26. No. 4. P. 647–662. doi:10.1017/S0260210500006471
- Kastner P. (2015). Legal normativity in the resolution of internal armed conflict. Cambridge University Press.
- Keels E., Greig J.M. (2019). Reputation and the occurrence and success of mediation in civil wars. *Journal of Peace Research.* Vol. 56. No. 3. P. 410–424. <https://doi.org/10.1177/0022343318811430>
- Knorr K. (2019). The determinants of military power. In: K. Knorr (ed.) *Power, Economics, and Security.* New York; London: Routledge. P. 69–133. <https://doi.org/10.4324/9780429302831>
- Knorr K. (1970). The International Purposes of Military Power. In: J. Garnett (ed.) *Theories of Peace and Security.* London: Palgrave Macmillan. P. 50–63.
- Kreß C. (2010). Some reflections on the international legal framework governing transnational armed conflicts. *Journal of Conflict & Security Law.* Vol. 15. No. 2. P. 245–274. <https://doi.org/10.1093/jcls/krq009>

- Kressel K., Pruitt D.C., Pruitt D.G. (1989). *Mediation research: The process and effectiveness of third-party intervention*. Hoboken, NJ: Jossey-Bass, 1989. 457 p.
- Kukushkin P.V., Polikanov D.V. (1997). *Krizis v Rayone Velikikh Ozer: Ruanda, Burundi, Zair* [Crisis in the Great Lakes Region: Rwanda, Burundi, Zaire]. Moscow: Institut Afriki RAN. 212 p.
- Kurylev K.P., Degterev D.A., Smolik N.G., Stanis D.V. (2018). Kolichestvennyy analiz fenomena geopoliticheskogo plyuralizma postsovetskogo prostranstva. *Vestnik mezhdunarodnyh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. Vol. 13. No. 1. P. 134–156. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-08.
- Lanz D. (2011). Who gets a seat at the table? A framework for understanding the dynamics of inclusion and exclusion in peace negotiations. *International Negotiation*. Vol. 16. No. 2. P. 275–295. <https://doi.org/10.1163/138234011X573048>
- Lee S.M., Greig J.M. (2019). The conditional effectiveness of directive mediation. *International Interactions*. Vol. 45. No. 5. P. 838–864. <https://doi.org/10.1080/03050629.2019.1614923>
- Lisenkov K.A., Polyakova T.V., Sidorov A.S. (1988). Otsenka sootnosheniya sil uchastnikov regional'nogo konflikta (na primere situatsii v CHade) [Assessment of power balance of power between participants in a regional conflict (the case of Chad)]. In: A. A. Torkunov (ed.) *Regional'nye i lokal'nye konflikty: Genezis, uregulirovaniye, prognozirovaniye*. Moscow: MGIMO MID SSSR. P. 42–58.
- Lundgren M., Svensson I. (2020). The surprising decline of international mediation in armed conflicts. *Research & Politics*. Vol. 7. No. 2. <https://doi.org/10.1177/2053168020917243>
- McKibben H.E., Skoll A. (2021). Please Help Us (or Don't): External Interventions and Negotiated Settlements in Civil Conflicts. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 65. No. 2–3. P. 480–505. <https://doi.org/10.1177/0022002720950417>
- McMahon S.F., Miller C. (2012). Simulating the Camp David negotiations: A problem-solving tool in critical pedagogy. *Simulation & Gaming*. Vol. 44. No. 1. P. 134–150. <https://doi.org/10.1177/1046878112456252>
- Menninga E.J. (2020). Complementary mediation: Exploring mediator composition in civil wars. *International Interactions*. Vol. 46. No. 6. P. 893–921. <https://doi.org/10.1080/03050629.2020.1814759>
- Mullenbach M.J. (2005). Deciding to keep peace: An analysis of international influences on the establishment of third-party peacekeeping missions. *International Studies Quarterly*. Vol. 49. No. 3. P. 529–555. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2005.00376.x>
- Palmiano F.J. (2019). We do negotiate with terrorists: Navigating liberal and illiberal norms in peace mediation. *Critical Studies on Terrorism*. Vol. 12. No. 1. P. 19–39. <https://doi.org/10.1080/17539153.2018.1472727>
- Paulus A., Vashakmadze M. (2009). Asymmetrical war and the notion of armed conflict—a tentative conceptualization. *International Review of the Red Cross*. Vol. 91. No. 873. P. 95–125.
- Popova A.S. (2015). Primenenie mediativnykh tekhnologiy pri uregulirovani voennykh konfliktov [Application of the mediation technologies when armed conflict settlement]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. No. 1(15). P. 133–139.
- Popova O.V. (2009). «Izmeritel'nyy instrument» v sravnitel'noy politologii: k voprosu o nereshennykh problemakh [Measuring instrument» in comparative politics: on the issue of unresolved problems]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. Vol. 5. No. 1. P. 271–291.
- Powell R. (2002). Bargaining theory and international conflict. *Annual Review of Political Science*. Vol. 5. No. 1. P. 1–30. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.5.092601.141138>
- Quandt W.B. (2015). *Camp David: peacemaking and politics*. Washington, DC: Brookings Institution Press. 538 p.
- Reid L. (2017). Finding a peace that lasts: Mediator leverage and the durable resolution of civil wars. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 61. No. 7. P. 1401–1431. <https://doi.org/10.1177/0022002715611231>
- Reiter D. (2003). Exploring the bargaining model of war. *Perspectives on Politics*. Vol. 1. No. 1. P. 27–43. doi:10.1017/S1537592703000033
- Rost N., Greig J.M. (2011). Taking matters into their own hands: An analysis of the determinants of state-conducted peacekeeping in civil wars. *Journal of Peace Research*. Vol. 48. No. 2. P. 171–184. <https://doi.org/10.1177/0022343310396110>
- Ruhe C. (2015). Anticipating mediated talks: Predicting the timing of mediation with disaggregated conflict dynamics. *Journal of Peace Research*. Vol. 52. No. 2. P. 243–257. <https://doi.org/10.1177/0022343314558101>
- Sahadevan P. (2006). Negotiating peace in ethnic wars. *International Studies*. Vol. 43. No. 3. P. 239–266. <https://doi.org/10.1177/002088170604300301>
- Savun B. (2008). Information, bias, and mediation success. *International studies quarterly*. Vol. 52. No. 1. P. 25–47. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2007.00490.x>

- Savun B. (2008). Mediator types and the effectiveness of information provision strategies in the resolution of international conflict. In: J. Bercovitch, S. S. Gartner (eds) *International Conflict Mediation*. London: Routledge. P. 114–132. <https://doi.org/10.4324/9780203885130>
- Sidorov A.S. (2018). Frantsiya v Sakhele: tekushchie problemy i vozmozhnoe razvitiye voennogo konflikta [France in the Sahel: current problems and possible development of military conflict]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 116–137.
- Simons G. (2021). Russia as a powerful broker in Syria: hard and soft aspects. *KnE Social Sciences*. Vol. 5. No. 2. P. 418–432. <https://doi.org/10.18502/kss.v5i2.8385>
- Singer J.D., Bremer S., Stuckey J. (1972). Capability Distribution, Uncertainty, and Major Power War, 1820–1965. In: B. Russett (ed.) *Peace, War, and Numbers*. Beverly Hills: Sage. P. 19–48.
- Stepanova E.A. (2010). Asimmetrichnyy konflikt kak silovaya, statusnaya, ideologicheskaya i strukturnaya asimmetriya [Asymmetric conflict as power, status, ideological and structural asymmetry]. *Voennaya mys'*. No. 5. P. 47–54.
- Stepanova E.A. (2020). Vooruzhennyye konflikty nachala XXI veka: tipologiya i napravleniya transformatsii [Armed conflicts in the early 21st century: typology and directions of transformation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No. 6. P. 24–39. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39
- Sullivan P.L., Blanken L.J., Rice I.C. (2020). Arming the peace: Foreign security assistance and human rights conditions in post-conflict countries. *Defence and Peace Economics*. Vol. 31. No. 2. P. 177–200. <https://doi.org/10.1080/10242694.2018.1558388>
- Svensson I. (2007). Bargaining, bias and peace brokers: How rebels commit to peace. *Journal of Peace Research*. Vol. 44. No. 2. P. 177–194. <https://doi.org/10.1177/0022343307075121>
- Svensson I. (2009). Who brings which peace? Neutral versus biased mediation and institutional peace arrangements in civil wars. *Journal of conflict resolution*. Vol. 53. No. 3. P. 446–469. <https://doi.org/10.1177/0022002709332207>
- Trunov F.O. (2018). Osobennosti uchastiya Germanii v uregulirovaniy vooruzhennykh konfliktov v Mali i Somali [Features of Germany's participation in the settlement of armed conflicts in Mali and Somalia]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 160–183.
- Wallensteen P., & Svensson I. (2014). Talking peace: International mediation in armed conflicts. *Journal of peace research*, 51(2), 315–327.
- Walter B. F. (2002). *Committing to peace: The successful settlement of civil wars*. Princeton: Princeton University Press. 150 p.
- Wennmann A. (2009). Getting Armed Groups to the Table: peace processes, the political economy of conflict and the mediated state. *Third World Quarterly*. Vol. 30. No. 6. P. 1123–1138. <https://doi.org/10.1080/01436590903037416>
- Yang Q.C., Zheng M., Wang J.S., & Wang Y.P. (2022). The shocks of armed conflicts to renewable energy finance: Empirical evidence from cross-country data. *Energy Economics*, 112, 106–109.
- Zartman I.W., Touval S. (1985). International mediation: Conflict resolution and power politics. *Journal of social issues*. Vol. 41. No. 2. P. 27–45.
- Zartman I.W. (1989). Prenegotiation: phases and functions. *International Journal*. Vol. 44. No. 2. P. 237–253. <https://doi.org/10.1177/002070208904400202>
- Zartman I.W. (2001). The timing of peace initiatives: Hurting stalemates and ripe moments. *The Global Review of Ethnopolitics*. Vol. 1. No. 1. P. 8–18. DOI: 10.1080/14718800108405087
- Zhukov G.P., Vikulov S.F. (1987). *Voenna-ekonomicheskii analiz i issledovanie operatsiy*. Moscow: Voenizdat. 440 p.
- Zolotaryov V.A., Trunov F.O. (2018). Osobennosti uregulirovaniya vooruzhennykh konfliktov v sovremennom mire [Features of armed conflicts settlement in modern world]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 17–38.